

Роскошным
стервам
большого
города

АРИНА

Холкина

Когда
бог был
женщиной

Арина Холина

Когда Бог был женщиной

«ЭКСМО»

2008

Холина А. И.

Когда Бог был женщиной / А. И. Холина — «Эксмо», 2008

Не просто быть ведьмой – за каждую сбывшуюся мечту приходится платить. Алиса Трейман, главный редактор журнала «Глянец», став колдуньей, получает все, но вдруг понимает, что это «все» ей дали займы и очень скоро потребуют вернуть долг. Но бывший главный редактор женского журнала – совсем не тот человек, которым можно манипулировать. И магия тут ни при чем. Главное – знать правила игры и... нарушать их в нужный момент!

© Холина А. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Арина Холина

Когда Бог был женщиной

Глава 1

– Неужели ты в детстве мечтала спать по пять часов, торчать в жутком офисе с этими опасными кондиционерами, работать четырнадцать часов в сутки, а потом еще и выискивать в прокуренных барах... – тут Лера скривилась: сигарету она приравнивала к инцесту, и, в общем, могла быть права, если бы не силиконовая грудь, силиконовые губы и такое количество ботокса в лице, что лошадь точно бы свалилась, не дожидаясь никотина, – мужчину на одну ночь? Это именно то, к чему ты шла всю жизнь?

Лера среди них была самой отпетой. Ее стиль – бесцеремонность. Типа – всю правду-матку в глаза. Она еще и выпячивала эту свою манеру, гордилась, а остальные клуши ее за это уважали – потому что уважать им друг дружку, кроме как за дурные манеры, было не за что.

– Вообще-то... да, – кивнула Алиса. – Я всегда об этом мечтала. Но, конечно, и мне бывает не по себе: говорят, в последнее время кондиционеры совсем разошлись – бросаются на людей. Уже есть жертвы.

Все уставились на нее.

– Ха-ха! – произнесла Лера.

Здоровая, как йеть, спортивная, в платье от «Кавальи» – это за городом в три часа дня! – закомплексованная лошадь! Жена банкира.

Она была похожа на одну из тех девиц, которых показывают по MTV в программах «Отрежь себе все, а потом пришей заново»: все искусственное, включая длинные, до попы, белокурые волосы и жутковатый кварцевый загар цвета молочного шоколада. Розовый блеск для губ. Тени с блестками. Васильковая подводка для глаз – причудливый выбор. Румяна, конечно.

Лера считала, что у нее плотное расписание: с утра отправляла детей с водителем в школу, поучала кухарку, отправлялась в спортзал, обедала с подругой (а может, с любовником) в городе, возвращалась домой, переодевалась, изучала журналы по интерьеру – муж купил дом в Сочи, и его следовало обставить так, чтобы попасть в журнал «Интерьер», принимала массажистку, отчитывала няню, переодевалась и ехала в город на презентацию какого-нибудь магазина. Ну просто Хиллари Клинтон.

И она первая заявила, что деловые женщины успешны в бизнесе потому, что ими движет страх – у них нет мужчины, нет защиты, нет уверенности в завтрашнем дне. Поэтому, мол, у них к сорока морщины на морде, целлюлит на животе и нервное истощение.

Алиса, которую легко было разозлить (к тому же она была единственной работающей женщиной на этом празднике жизни), отрезала, что неделовые женщины – то есть те, которые значение слова «работа» проверяют по словарю, профессиональные домохозяйки, имеют успех только на встречах одноклассников.

– Алиска! – завопила Наташа, именинница.

Когда Алиса приехала, Наташа переодевалась, а теперь вот объявилась в платье от «Эскада», последняя коллекция. С Наташей Алиса была знакома со школы, но тогда они не общались – Наташин папа работал в Газпроме, и она воротила от Алисы нос – за ней приезжал водитель, а Алиса на метро тащилась от Пушкинской в Тушино. Но когда Алиса стала главным редактором «Глянца», Наташа отловила ее на какой-то вечеринке и пригласила к себе – точнее, к своему мужу, в Жуковку. Муж тоже работал в Газпроме – он занял место Наташиного

папы, и Алиса не сомневалась, что их дети – два мальчика в галстуках «бабочка» – уже читают журнал «Финансы» – такими они были благовоспитанными и серьезными.

– Что-то ты выглядишь уставшей! – забеспокоилась Наташа.

– Работа... – развела руками девица в жутком розовом мини. – Карьера – это не для женщин!

– Эй! Я все еще с вами! – одернула ее Алиса, сто раз пожалевшая, что ввязалась в эту сатанинскую оргию – день рождения рублевской домохозяйки.

Это был вражеский стан. Зачем она сюда приперлась – одному богу известно, но вот прямо сейчас у нее созрел отличный план.

Дело в том, что все, кого приглашала Наташа, были чьими-то женами. Даже одна известная актриса и певичка, платиновая блондинка с интеллектом кактуса – и та вышла замуж за миллионера, чтобы ничего, или почти ничего, не делать – разве что помогать мужу тратить деньги. Одиноких женщин звали лишь тогда, когда эти одиночки были редакторами журналов, устроительницами недель моды или дизайнерами одежды – даже звезд не приглашали, потому что знаем мы их – сначала получают деньги за корпоративные вечеринки, а потом решают: «А зачем такому богатому жена с пробегом?»

И эти жены к ней цеплялись.

Сначала они все сватали ей богатеньких женихов – и Алиса не отказывалась, но как только эта шайка просекла, что она отбилась от стада – то есть больше не желает быть такой пушистой кисой, пригревшейся на диване за сорок пять тысяч долларов, – все ее представители выпустили когти.

Они обратили внимание, что Алиса не умеет готовить.

Что она не хочет жить за городом.

Что предпочитает «Дискэйрд» «Прадо».

Что она то и дело говорит по мобильному.

Она стала их врагом – то есть одной из тех свободных женщин, за которыми увиваются их ненаглядные мужья и которыми время от времени попрекают своих кисельных женушек. Она была Женщиной, Которая Делает Карьеру.

О, да! Этим «девушкам» было чем гордиться. Почти у всех имеется от двоих до четырех детей. Каждая может запросто приготовить настоящий крем-брюле под дивной карамельной корочкой. Любая с лету перечислит (с адресами и мобильными телефонами) пять лучших в Москве мастеров по шторам. У каждой в запасе есть двадцать-тридцать советов на случай, если муж заведет молоденькую любовницу.

Кого угодно спроси, что было написано в январском выпуске журнала «Вог» за 2004 год – выпалит наизусть. Это их жизнь. Жизнь обеспеченных домохозяек в идеальных домах, которые они создали «своими руками» – то есть с помощью всего лишь одного дизайнера и одного архитектора. Жизнь, в которой так много нарядов, что приходится задумываться о расширении гардеробной и переодеваться семь раз в день – прямо как идеальная степфордская жена.

Алиса, конечно, тоже обожала шопинг, но у нее не было времени покупать что-либо просто от скуки. Например, юбку от «Оскара Де ля Рента» – на всякий случай, вдруг пригодится.

– Пойдемте за стол! – пригласила всех Наташа.

Увы, это был девичник. И не потому, что существуют некие запретные, но страшно увлекательные темы, которые неловко обсуждать при мужчинах. Нет. Просто дамы были рады избавиться от мужей, друзей мужчин у них не было, а гомосексуалистов приглашать они не решались, ведь большинство рассекреченных педиков – из сферы обслуживания, а это плохой тон.

Сейчас начнется конкурс кулинарных талантов.

Тут было принято гордиться изысканными блюдами, приготовленными собственноручно, и Алиса, которая могла разве что хлеб красиво порезать, каждый раз веселилась, наблюдая за тем, как они гордятся, как переживают и мимоходом замечают, что рецепты какой-

нибудь там Марты Стюарт – это попса, несмотря на то, что их подруга два дня вкалывала словно сумасшедшая, выпекая профитролы по книге Марты.

Вообще-то некого было винить, кроме себя, за то, что ввязалась в эту авантюру – дружбу с Наташей Лопухиной, по мужу Сотниковой.

Алиса несколько лет делала вид, что она одна из них, потому что одинокому главному редактору женского журнала не составляло труда познакомиться с незатейливым манекенщиком, или закрутить роман с какой-нибудь поп-звездой, или рвануть на Мальдивы с отвязным модным режиссером... Но Алиса слишком хорошо помнила, каково это, когда тебя не замечают только потому, что ты носишь жуткие серые штаны, которые отдала тебе мамина подруга, и куртку цвета детской неожиданности – с ключьями искусственного меха, который настолько искусственный, что от него бьет током... Все смотрели сквозь нее!

И больше всего на свете она хотела не чувств – потому что мальчики почему-то любили девочек только в модных туфлях (так она считала), а мужчину, который сможет дать ей весь мир. В денежном эквиваленте.

Поэтому Наташа, которой льстило появление в светской хронике и очень нужны были приглашения на все замечательные вечеринки, куда звали главного редактора «Глянца» – надо же где-то носить юбки от «Оскара Де ля Рента», в ответ открыла Алисе двери лучших домов – домов банкиров, владельцев заводов, нефтяников, газовщиков, политиков... В узком дружеском кругу легче было знакомиться с правильными мужчинами – не было ни моделей, которых не признавали ревнивые жены, ни красоток полусвета – вечно молодых содержанок (второй фронт), ни случайных охотниц за черными картами «Американ Экспресс» – были только свои.

После закусок подали морской язык в изумительном соусе из меда, апельсинов и белого вина. И Алиса устояла – уж очень красиво это выглядело.

Но когда Наташа с едва сдерживаемым торжеством подала закрытый слоеный пирог с креветками, семгой, артишоками и еще какой-то фантастически сложной начинкой, Алиса рискнула отыгаться. Наташа все уши прожужжала – мол, рецепт пирога она клешнями вытянула из какого-то мишленовского повара, так что этот выход был ее триумфом.

Роскошные домохозяйки крепко поджали губы.

Пирог выглядел чудесно – нежная корочка, дивный запах...

Серебряной лопаткой Наташа разложила яство по тарелкам, дамы вооружились ножами и вилками, положили в идеально намаженные рты первый кусок и... успокоились. Пирог был сухой, как солома. Его явно передержали в духовке. Ну, и артишоки недозрели. Не то чтобы все это было отчаянно невкусно, но явно не шедевр.

Наташа с трудом сдерживала слезы.

– Алиса! – воскликнула она, когда домработница убрала приборы. – Я слышала, что вы расстались с Димой?

– О, да, – подтвердила Алиса.

Дамочки оживились.

– Я видела Машу, – продолжала Наташа. – Я с ней, кстати, давно знакома. Мы вместе учились в Англии. Ты знаешь, кто у нее папа?

– В ее возрасте это уже не имеет значения, – парировала Алиса. – И мой ответ «да». Знаю.

– На помолвку он подарил ей черный «Бентли»! – выдала Наташа, которой нужно было на ком-то отыгаться за пирог. – Маша дивная! Она все у него переделала – теперь у них все такое изысканное, бежевое...

– Бежевое?! – ужаснулась Алиса.

– Да, все в пастельных тонах...

– Какой кошмар! – Алиса отложила вилку и откинулась на спинку стула.

– Не расстраивайся! – подала голос Лера. – Он тебе не подходит! Они с Машей люди одного круга, так что...

Алиса почувствовала, что у нее руки холодеют. Нехороший признак. Ну ладно, к чему скромность...

– Спасибо, Лер! – со всей возможной душевностью произнесла она. – Ты ведь меня понимаешь лучше, чем кто-либо другой. Мало того что тебе изменяет муж, так еще и с девятнадцатилетней стриптизершей!

– Что?! – подскочила на стуле смуглая брюнетка в зеленом кашемировом джемпере.

Лера сидела с открытым ртом.

– Алиса! – воскликнула Наташа, у которой глаза заблестели. Лучшая подруга Лера, которую Наташа считала вульгарной и презирала за то, что ее мать работала швеей, а отец гаишником, опростоволосилась, и это на время отвлекло именинницу от сухого пирога.

Конечно, это конфуз, но, скажите, когда на девичниках у Наташи бывало весело? В этом и была соль – показать остальным, и даже не показать, а подчеркнуть, что ты лучше других. Но все-таки скандал быстро замяли – женщина со впалыми щеками и высокими скулами, которой, очевидно, казалось, что она смахивает на Мишель Пфайфер, громко заговорила о прошедшем аукционе Сотбис и о том, как они с мужем с превеликим трудом выторговали две картины Краснопевцева, которые пять лет назад шли по двести долларов, а сейчас они отдали за них семьсот тысяч.

Подали торт. Он был потрясающий! Алиса даже пожалела себя – от такого дивного шоколадного десерта с пралине и сочной шоколадно-коньячной пропиткой, в придачу с нежной крошкой из карамели, трудно было отказаться.

Но все-таки, когда Наташа, отрезав первый кусок, побледнела, Алиса решила, что страдает не зря. Очень уж приятно было смотреть на опрокинутое лицо этой надменной стервы!

Из торта вытекало тесто. Вместе с пралине и коньячной пропиткой.

Вскоре после этого торжественного мгновения Алиса уехала, оставив Наташу с телефонной трубкой – та в истерике заказывала пирожные в ресторане.

Хорошо все-таки, что она, Алиса, ведьма... Конечно, мелкие пакости – это глупость, не стоит до этого опускаться, но из таких вот пустячков и складывается жизнь – так, кажется, пишет любимый автор «Глянца» Вера Квливидзе?

Еще полгода назад Алиса бы сидела и унижалась, выслушивая бредятину, которую несли все эти Леры-Марины, а сейчас она походя испортила и пирог, и торт, и вообще дурацкую вечеринку! И репутацию Леры, которая строила из себя принцессу Диану! Идеальную жену с идеальной жизнью, у которой все под контролем! Ха-ха! Ха-ха-ха!

Конечно, все эти женщины по-своему хороши: у них идеальные задницы, в которых после липосакции нет ни капли целлюлита, и они действительно разбираются в драгоценностях, а еще им можно посочувствовать, так как они тратят безумные деньги на внешность не потому, что хотят выглядеть хорошо, а потому, что истерически боятся молодых и хорошеньких секретарш – хотя кто сейчас спит с секретаршами?.. Но Алиса готова была признать себя бездушной и недалекой – сопереживать этим злым дням ей совершенно не хотелось.

Все дело в том, что, когда Алиса и банда домохозяек были заодно, она все равно не ощущала себя одной из них. И не потому, что у нее карьера. Просто все эти отношения с мужчинами, все эти ухищрения, сложные многоуровневые интриги, ведущие к покупке заветной шубки – это было их жизнью, а Алисе всегда казалось, что она играет некую роль. Она не умела так искренне радоваться тому, что задержавшийся после работы на три дня муж приходит с сережками от «Тиффани», не умела давить на совесть, если у него любовница, и получать за это компенсацию в виде нового кольца от «Графф», да и мужа у нее ни разу не было – только любовники, с которыми она старалась побыстрее расстаться.

Проезжая мимо кондитерской, Алиса так резко затормозила, что водитель темно-зеленого «Мицубиси» пригрозил ей кулаком, кое-как припарковала машину и бросилась за шоколадным тортом. Ей нужна была поддержка.

Хоть какая-нибудь.

В последнее время она так уставала, что никак не могла выспаться.

Елена приходила во сне, и это было так тяжело, что Алиса уже проклинала мгновение, когда узнала, что она ведьма. Сначала ей казалось, что учиться колдовству во сне будет легко – спишь и видишь сон, ничего страшного, но выяснилось, что твой собственный сон, в который проникает чужой, – то еще испытание для нервной системы. Утреннее состояние можно сравнить с тяжелым похмельем, когда всю ночь твой мозг создавал затейливых чудовищ, а очнувшись, ты некоторое время не можешь понять, были ли они на самом деле, или же это всего лишь результат воспаленной фантазии.

Алиса притащила домой самый шоколадный торт на свете, отрезала большой кусок, сочившийся ромом, налила в кружку сладкий чай с лимоном, поставила умиротворяющие «Дневники принцессы», с вожделием отправила в рот первую ложку десерта, и с ужасом поняла, что опять она ничего не хочет!

Аппетит пропал. Из-за этого бесчеловечного недосыпания она была сама не своя – точно была уверена лишь в том, что хочет курить и пить – жажда мучила все время. Алиса с грохотом поставила тарелку на стол, положила голову на колени, сосредоточилась и зарыдала.

Она так больше не может! Не хочет! Не будет!

Ее тянуло за город – на воздух, к природе, но это она уже проходила – уезжала на дачу в блаженной уверенности, что, надышавшись землей, заснет как младенец, но кошмар повторялся – она просыпалась с квадратной головой, злая, несчастная и уставшая.

А с утра на работу!

Работа, кстати, надоела ей смертельно. Мало того что выспаться невозможно, так еще и все, что она там делала – в своем самом успешном женском журнале, представлялось ей несусветной глупостью.

Вчера, например, она час таращилась в текст о «мужском взгляде на секс». Кто это читает? Зачем это надо, если они придумали данную тему только потому, что ничего лучшего в голову не пришло, а журналист написал статью только ради того, чтобы заработать лишние пять-семь тысяч рублей? Без огонька, без души, без личного...

Все это было ловушкой, однако Алиса застряла и не знала, как выбраться.

Спать идти не хотелось, но если она сейчас не ляжет в кровать, не примет снотворное и не пройдет через этот Ад, то завтра вообще не выйдет из квартиры – сил и так уже нет, несмотря на колдовские отвары и на витамины из аптеки.

Она еще немного поплакала и поплелась в спальню.

Почему Марик уехал в этот дурацкий Воронеж? Зачем ему встречаться с читателями?

Из-за мыслей о нем Алиса окончательно разволновалась, откинула одеяло и отправилась за сигаретами. Не пойдет она завтра на работу. У нее... воспаление среднего уха! Гастрит! Она отравилась! Пошли все...

Вернувшись с прикуренной сигаретой и пепельницей, Алиса отодвинула штору, чтобы впустить лунный свет, и уставилась в выключенный телевизор.

Марик был первым мужчиной, с которым она могла спать в одной кровати – и ее это не убивало. Мало того – под одним одеялом. В обнимку!

С остальными ей всегда было тесно, душно, неудобно, а с ним – тепло. Конечно, это ничего не значит, и, вообще, у них пока просто секс, тем более, что все эти придурочные поклонницы заваливают его истерическими посланиями: «Ты лучший! Я тебя обожаю!», и, вообще, он самый красивый автор детективов... Но ей с ним легко. Никаких ролевых игр, никакого притворства – ей от него ничего не нужно, ему от нее ничего не нужно – кроме секса, конечно, и им весело, по-настоящему весело вместе, но, главное, и в этом трудно и странно самой себе признаться, она чувствует: он – ее мужчина.

С другими, даже очень богатыми, и влиятельными, и еще более знаменитыми, она всегда была сама по себе – сильная и независимая женщина Алиса Трейман. И ни на какую их поддержку она не рассчитывала. Конечно, Алиса получала подарки, и за нее всегда платили, но это была как бы ее заслуга, ее игра, и она втайне немножечко презирала любовников, которые с такой охотой принимали ее правила, прогибались, и ни разу не то чтобы не ощущала, а даже и не представляла, что это такое – мужское начало, которое ни к деньгам, ни к власти, ни к положению в обществе не имеет ни малейшего отношения.

А с ним она почему-то была Женщиной. Хрупкой. Капризной. Нежной. При всем своем глянцево-журналистском опыте Алиса не могла ничего объяснить – это можно было только прочувствовать и принять, и потому их связь была еще крепче, страсти – жарче, а ночи – длиннее. И потому ей так не хватало его сейчас – когда ей плохо, и она ощущала пустоту на той стороне кровати, где он обычно сворачивался калачиком, запутывал ногами одеяло и прижимал к груди подушку.

Алиса затушила сигарету, поменяла свою подушку на его и заснула, вдыхая запах его шампуня и духов.

Глава 2

Алиса уже второй час смотрела в экран компьютера, но никак не могла сосредоточиться: абзац, из которого следовало, что «Оксана Акиньшина – самая загадочная актриса будущего поколения супер-звезд русского кино, которой грозит слава непредсказуемой Элизабет Тейлор», казалось, был написан на китайском.

Весь прикол в том, что она, Алиса, ненавидит свою работу. ОК, она ведьма – пусть и выжатая как лимон ведьма с головной болью, и она может внушить всему совету директоров, а также всем сотрудникам – вместе и по отдельности – что с завтрашнего дня они должны публиковать резкие, революционные тексты, фотографии обнаженных мужчин, и вообще журнал должен стать этаким кентавром – внизу «Эсквайр»,верху «Плейгерл»... Но миллион подписчиков, три миллиона читателей – их всех не уговоришь... Раз уж девочки хотят из номера в номер видеть слюнявые тексты о том, как правильно организовать День святого Валентина и сколько способов самоубийства существует – на случай, если твой парень вспомнил об этом Валентине вечером пятнадцатого, то тут уж ничего не поделаешь. Но, черт побери, как же надоел этот искусственный мир, в котором существовали «двадцать вариантов, почему он не позвонил на следующий день» – и все фальшивые, высосанные из пальца... Девочки вместе с «Глянцем» открывали для себя мир иллюзий, мир, в котором ты видишь лишь то, что хочешь увидеть, в котором не существует реальных проблем – такой девичий Диснейленд со сказочными героями и героинями. Журнал продавал мечту, но всем хотелось верить, что это и есть настоящая жизнь.

Алиса закрыла файл и откинулась в кресле. Надо переползти на диван и поспать немного – иначе она уснет за рулем или в лифте.

Так всегда и бывает – только ты закрываешь глаза, звонит телефон.

Алиса сделала вид, что не слышит, но в ее телефоне была такая фишка – каждая новая трель звучит все громче, поэтому через минуту трубка орала так, что слышно было, наверное, даже у конкурентов в «Космо».

Алиса яростно вытряхнула сумку на диван, схватила телефон и рывкнула:

– Да!!!

– Можно Славу? – произнес мужской голос.

– Что?!!

– Извините, я ошибся.

– Марик, прости, я спала! – Алиса плюхнулась на диван и с трудом сдержала проклятия, конечно, она рухнула прямо в кучу косметики, записных книжек и на всякие там угловатые кошельки-ключницы, которые только что вывалила на сиденье.

– Прогуляла? – поинтересовался Марк.

– Неа... А-аа... – она зевнула. – Сплю на работе. Во всех смыслах.

– Чем вчера занималась?

– Как обычно. Бурная вечеринка с абсентом и наркотиками, сексуальные оргии, зажимы на сосках... – пробормотала Алиса.

– А я совратил дочку министра, и теперь мне придется жениться, потому что она беременна, – парировал Марк. – Так что я сегодня заеду – заберу свои стринги и воск для эпиляции.

– Слушай, ты когда-нибудь брил грудь? – ни к селу ни к городу брякнула Алиса.

– Чью?

– Свою!

– У меня на груди волосы не растут, – опечалился Марк.

– Действительно. За это я тебя и люблю.

– А женщины разве не любят волосатых мужиков? – заинтересовался он.

– Некоторые, может, и любят, но меня не очень возбуждает, если во рту застревают кудри, и потом все эти волосья царапают мою нежную кожу, намазанную дорогими кремами! – фыркнула Алиса.

– Ну да, ну да... – согласился Марик. – В общем, ты не против, если я вечером приеду?

– А разврат будет?

– Еще бы!

Они еще немного поболтали, и Алиса ожила. Это что, любовь?

Нет! Не любовь... Но, вполне возможно, что она влюблена – и всерьез, а влюбленность еще лучше, потому что когда любовь – это и в горе и в радости, и в болезни и в здравии, это уже долг, быт, компромисс, а пока что лишь фейерверк чувств, эйфория и сплошное удовольствие.

Алиса отредактировала текст, практически не понимая, о чем он – замечала лишь стилистические погрешности и правила корявые фразы, а потом отправилась обедать, пообещав себе выпить белого вина или коктейль.

Пока она наслаждалась суши – в столовку не пошла, надоело – и запивала их легким сливовым вином, телефон запел песню из «Семейки Адамс». Звонила Лиля.

– Алиса! – строго начала двоюродная бабушка. – Ты помнишь, что у меня сегодня фуршет?

– Не помню, потому что ты мне ничего не говорила, – быстро отбилась Алиса, которая, действительно, ничего такого не помнила.

Лилия помолчала, словно размышляла – вступать ли в драку, но, видимо, решила не тратить время на пререкания:

– В девять, у меня, – сообщила она. – Надень коктейльное платье.

– То есть это какой-то парадный, торжественный случай? – хмыкнула Алиса.

– Деточка, ты ведь ведьма, так что у тебя теперь все случаи – особенные, – менторским тоном заметила Лилия и отключилась.

Алиса развела руками. Она теперь ведьма... Сколько раз она уже это слышала?! Марьяна и Фая талдычат: «Ты теперь ведьма – ох, как круто!». Елена во сне то и дело поучает: «Ты теперь ведьма, так что не жалуйся!». Лилия вечно ноет: «Ты теперь ведьма! Настоящая ведьма так себя не ведет, не ест, не пьет, не дышит, не одевается!». Р-рр!.. Надоело!

Все эти мысли испортили десерт, и она даже чуть не врезалась по дороге в офис в какую-то нервную «Газель» и с таким выражением лица прошла через редакцию в кабинет, что девицы замолкли и даже выключили радио.

Она не понимает, что делать с этим «ты теперь ведьма», потому что старая жизнь ее уже не устраивает, а как начать новую, никто почему-то не посоветовал!

Алиса вовремя поймала себя на том, что ей опять хочется кого-то убить, налила мятного чая с чабрецом и мелиссой – для успокоения нервов, и зарубила материал о сумках.

– Послушай, я вчера была в трех магазинах из пяти, где ты брала сумки, и смело могу сказать: то, что ты выбрала – самый отстойный отстой! – рявкнула она на ассистентку отдела моды. – Зачем нашим читательницам любоваться на сумки, которые в среднем стоят столько, сколько они получают за год, если эти сумки выглядят как те, что продаются на рынке? Почему вообще ты решила, что темно-коричневая сумка с никаким боковым карманом да еще и на молнии – это правильно? Ты же была в «Гесс», должна была видеть огромную блестящую красную сумку с пряжкой, красоты неопишущей?! А светло-коричневую со здоровенным латунным замком, которая стоит на самом видном месте – будто нарочно для близоруких?

Ассистентка что-то мямила, но Алиса все равно отослала ее переделывать съемку – в вопросах моды она была безжалостна. Глядя в спину ассистентки, одетой в коричневые клетчатые брюки и голубой свитер, Алиса сорвалась – сгребла в свою «Келли» барахло с дивана, запихнула в карман плаща телефон и вырвалась из офиса. Права была Лера – кондиционеры смертельно опасны для жизни: воздух вторичной переработки подавляет гормоны счастья.

На улице прохожих дразнила весна – было сухо, но прохладно, и почки еще не распустились, но уже все трепетало в ожидании тепла.

Алиса села в машину, настезь открыла окна и поехала куда глаза глядят – ей не хотелось ни о чем думать, не хотелось планировать и решать куда податься, ей вот прямо сейчас хотелось просто жить, и она даже краем сознания поняла и Наташу, и подругу ее Леру, которые, наверное, в то время, когда они не проверяли по мобильной связи местонахождение их благоверных или не обсуждали какую-нибудь там Ляльку, от которой муж ушел, но она отобрала у него дом и счет в «Дойче Банке», – возможно, в эти мгновения были счастливы. Потому что их головы не занимали никакие сложные вопросы (кроме разве что дилеммы – броситься в «Вичини» за босоножками из новой коллекции или пожить на распродаже в «Патрисии Пепе»).

Алиса ехала, машинально притормаживая на светофорах, и мечтала, как хорошо было бы просыпаться в полдень, валяться в кровати с чашкой кофе – и непременно в загородном доме, чтобы тишина и покой, а потом выходить на балкон и произносить какую-нибудь глупость вроде «Здравствуй, мир!», спускаться и завтракать – белым хлебом домашнего приготовления с черной икрой и салатом из креветок, гулять – много и долго, погружаться в какие-нибудь смешные девичьи фантазии, где роль Марка Дарси исполняет Леонардо ди Каприо, возвращаться, принимать бодрящую ванну с ароматическими маслами, а потом можно и отправиться в город – посмотреть кино, закупить всякой чепухи в «Лаш», заехать в гости к подруге и вернуться домой, чтобы провести вечер за чашкой чая и интересной книгой...

Вместо того чтобы вернуться на работу, Алиса позвонила и наврала секретарше, что у нее воспалилась десна и ей срочно нужно к стоматологу, приехала домой, вынула из холодильника вчерашнюю «Прагу» и съела половину, уставившись в «Дневники принцессы» – первая и вторая серии.

В восемь вспомнила о вечеринке и собралась без всякого вдохновения – надела платье от «Персонаж», которое купила позавчера, кое-как нарядилась, расчесала волосы и с мрачной физиономией спустилась вниз.

Лиля жила в Староконюшенном, в трехкомнатной квартире, переделанной из пятикомнатной. Наверху, на чердаке, правда, были еще три помещения – гостевая спальня, прачечная и гардеробная.

И если бы не домработница Лили, которая встретила ее в дверях, Алиса бы решила, что ошиблась адресом: квартира преобразилась. Видимо, здесь хорошо потрудились флорист – повсюду громоздились букеты с красными (всех оттенков) розами, появилась какая-то особенная подсветка, горели толстые, как дуб у лукоморья, свечи, пахшие мятой и апельсином, а на диваны и кресла были натянули бархатные темно-зеленые чехлы. Казалось, гостиная превратилась в ресторан – все было шикарное, но чужое.

– Ух ты... – прошептала Алиса на ухо двоюродной бабушке, которая вышла ее встречать. – Ну ты даешь!

Лиля, которая не любила жаргон, предпочла, чтобы Алиса выразилась более внятно: «Дорогая Лиля, ты превратила комнату в парадный зал, все так изысканно, с таким вкусом и вниманием к деталям!», закатила глаза, но не стала отвлекаться на поучения, лишь распахнула объятия и дважды поцеловала воздух – как всегда, яркая помада...

Лиля, надо сказать, выглядела роскошно – в красном платье от «Валентино», в серебряных туфельках и с шикарным белым норковым палантином – вечная классика. Остальные дамы тоже отличились – меха, драгоценности, прически, шпильки... Очень много шляпок, жемчуга и «Шанель». Алиса порадовалась, что надела все-таки шелковое платье от «Персонаж», а не трикотажное, как собиралась. Простое, в стиле шестидесятых – с широкой юбкой и высокой талией – оно было вечерним.

Да уж, это самый настоящий прием, а не вечеринка в пижамах...

Это значит, что и ей придется устраивать вот такие вечеринки? И держаться как на приеме в посольстве?

Лиля уже тащила ее в зал и знакомила – с дамой в шиншилловой горжетке, с дамой в пышном черном платье, с дамой в платье-футляре, с дамой в винтажном наряде от «Ланвен»...

И все они были гламурные, но какие-то правильные, слишком уж великосветские, хоть и с чертовщинкой, но только Алиса собралась заскучать и начать считать минуты до конца банкета, как две дамы в нарядах – одна из серебристой парчи слева и вторая из малиновой тафты справа, – расступились и она увидела Ее. Свою ровесницу. Девушку в странном наряде. Которой тоже было скучно.

– А! – воскликнула Лиля. – Лиза! Я рада, что ты пришла, – враждебно добавила она.

Алиса списала теткинo недовольство на платье Лизы: юбку в рюшах пронзительно-розового цвета, черную водолазку с серебряной вышивкой «Любовь – это боль» во всю грудь, черные блестящие лосины и широченный замшевый пояс в заклепках. Ну, и такие военные боты – только на каблучке.

Объективно Лизу нельзя было назвать красавицей. Было в ее лице что-то порочное, признаки вырождения, что ли, но при этом от нее трудно было оторвать взгляд. Высокие скулы, широкая челюсть, немного более мясистые, чем нужно, черты лица. Нос прямой, глаза огромные, губы пухлые, как у Анджелины Джоли, но гладкие. Длинные ресницы, взгляд с поволокой, здоровый румянец. Длинные, ниже лопаток, блестящие, прямые коричневые волосы.

– Ты нас не представишь? – поинтересовалась Алиса.

Лиля, нимало не смутившись, повернулась к ней, закатила глаза, после чего махнула рукой – царственный такой жест получился:

– Это Лиза. А это моя внучка Алиса.

– Привет! – сказала Лиза.

– Привет, – ответила Алиса.

Прибыли новые гости, Лиля умчалась в прихожую, а Алиса глупо смотрела на Лизу и улыбалась. Не знала, как начать разговор.

– Не обращай внимания, – усмехнулась Лиза. – Твоя бабушка в свое время не поделила с моей сферы влияния. Ты ведь знаешь, что ведьмы злопамятны? Проклятия до седьмого колена?

– Ну... – Алиса замаялась. – Ты только не подумай... Просто... Если она так к тебе относится, то как ты здесь очутилась?

Лиза пожала плечами и подняла бровь.

– Лично я перед ней ни в чем не провинилась. А привела меня Майя, – Лиза кивком указала на женщину лет пятидесяти в платье от «Вивьен Вествуд», от кутюр. – На таких приемах надо появляться время от времени – чтобы напомнить о себе. Хотя лично я собираюсь удрать.

Алиса улыбнулась. Ей тоже хотелось бы удрать.

– Ладно, давай без кокетства, – вдруг заявила Лиза. – Я все о тебе знаю. Ты у нас просто сенсация.

Алиса выпучила глаза.

– Ведьма, от которой скрывали, что она – ведьма. Ведьма, уделавшая Римму. Ведьма, вызвавшая Елену. Дорогая, да все только о тебе и говорят!

– Жаль, что здесь не принято брать автографы, – вздохнула Алиса. – Мне бы это польстило.

Лиза запрокинула голову и расхохоталась.

– Ладно, я, возможно, попрошу у тебя автограф, но за это ты сядешь со мной в углу и примешь живое участие в обсуждении всех этих старых куриц! – прошептала она заговорщицки.

Алису немного смутило, что вот так легко все старания ее двоюродной бабушки свелись на нет, но в глубине души она была согласна с Лизой.

Атмосфера была принужденной, общество – скучным, а чрезмерно шикарные дамы средних лет выглядели несколько карикатурно.

– Они снобы. Живут прошлым. Магия – шмагия... – Лиза всплеснула руками. – Традиции! Гадания, зелья, астрология, любовь-морковь... – Она фыркнула. – Зачем помогать другим, если можешь помочь сама себе?

– Ты о чем? – нахмурилась Алиса.

Но к ним уже присоединилась Майя, которая ахала и охала, осматривая Алису, и продолжения от Лизы не последовало.

После ужина они распрощались с Лилей и отправились в «Монкафе», где Лизу прельщал полумрак, а Алису – ее любимый крем-брюле. Пусть не лучший в городе, но все еще очень вкусный.

– Зачем прогнозировать для какого-нибудь бизнесмена удачную сделку, если сама можешь ее заключить, а? – наклонилась к ней Лиза. – Все современные ведьмы занимаются бизнесом – это и независимость, и совсем другие капиталы. Ты что, будешь торчать в каком-нибудь офисе, обитом фиолетовым шелком, и принимать клиентов по двести долларов в час? Или, может, ты хочешь работать в этом своем «Блеске»... «Глянце» и выплясывать под дудку начальства? Ты ведьма вообще, или кто?

От третьей порции рома с колой Алиса раздухарилась и готова была прямо сейчас писать заявление об увольнении, но все-таки здравый смысл победил, и она спросила:

– А чем тебе не нравится моя работа?

– Дорогая... – Лиза откинулась на стуле и тряхнула волосами. – А чем тебе нравится твоя работа? Ты пашешь от звонка до звонка, тебя контролируют, ты руководишь группой легкомысленных и по большей части бездарных сотрудников, ты пресмыкаешься перед аудиторией и тебе платят зарплату!

– Последнее скорее хорошо, чем плохо. Если бы я делала все вышеперечисленное бесплатно, это было бы совсем грустно, – сухо ответила Алиса.

– Не обижайся! – Лиза положила ладонь на ее руку. – Для обычной женщины это блестящая карьера... Но ты же ведьма! Ты не можешь получать зарплату – в худшем случае ты должна сама ее платить. Ты должна быть свободна, а у тебя вид кролика, обреченного стать рагу. Свобода, милая, это то, что дает нам наш дар – мы вне общества, но нам все завидуют, нами восхищаются. Даже у твоей Лили есть свой магазин – один из лучших в Европе, а ты батрачишь на дялю. У тебя вид измученного жизнью человека, и ты еще раздуваешь ноздри от возмущения!

– Ничего я не... – но Алиса споткнулась, так как поняла, что Лиза права.

И она ведь не желает ей зла. Если уж на то пошло, то Лиза – первый человек, который сообщил ей что-то разумное.

– И что мне делать? – воскликнула Алиса. – Бросить работу? У меня всех сбережений – тысяч пятнадцать от силы, я все трачу на сумки и заколки!

Лиза расхохоталась.

– Теперь ты видишь, что так жить нельзя?! – спросила она. – Ты главный редактор, и получаешь ровно столько, чтобы выглядеть главным редактором. Все твои деньги уходят на поддержку образа, но у тебя ничего нет – ни уверенности, ни будущего, ни настоящего.

– Ну почему же... – сопротивлялась Алиса. – Я могу стать генеральным директором.

– Ага, лет через десять. Или через пятнадцать, – хмыкнула Лиза. – Это не твоя жизнь. Это жизнь карьеристки из Тушина, которая до сих пор считает шпильки от «Лабутена» роскошью, а не предметом первой необходимости. Давай я покажу тебе настоящую жизнь?

– Давай, – согласилась Алиса, которой хоть и с трудом давалось амплуа бедной родственницы, но любопытство пересиливало. – Когда?

– Прямо сейчас!

Глава 3

Подъезд роскошного четырехэтажного дома в Зачатьевском переулке был отделан мрамором. С потолка свисала хрустальная люстра. За стойкой находился портье. Дверь, кстати, открыл швейцар. В форме.

В шикарном, изящно отделанном под старину – с настоящими дубовыми панелями, бронзовыми светильниками и зеркалами – лифте они поднялись на третий этаж.

Алиса, конечно, видела разное, но ее зацепило – такой небрежной, повседневной роскоши она еще не встречала. Лепнина оказалась настоящей, а не раскрашенной подделкой из плексигласа.

Лиза отперла высокую дверь и пригласила гостью войти.

Квартира выглядела огромной. Четырехметровые потолки, стены, обшитые изумительной тканью с искусной вышивкой, ковер, а на нем тигровая шкура перед камином, которую, казалось, вывезли из какого-нибудь замка – все здесь было не просто мебелью, подобранной с любовью, а произведением искусства. Никакой «стильной» современной мебели, купленной под влиянием журнала «Архитектура&Дизайн», никаких дизайнерских провокаций – здесь была только Лиза, без чужих влияний и компромиссов. Квартира дышала ею.

Алиса устроилась на полосатой козетке, приняла у Лизы бокал с ромом и зачарованно смотрела, как новая знакомая поджигает дрова в камине.

Вся Алисина жизнь, квартирка на проспекте Мира, которой она так восторгалась, ее смешные надежды и скромные мечты – все это было далеко-далеко, за тридевять земель. Вот она жизнь! Гедонизм! Эгоизм! Успех...

– Ну как? – поинтересовалась Лиза.

– А ты уверена, что ты здесь не домработница, а хозяйка не уехали в Аспен? Ой! – на нервной почве Алиса слишком щедро отхлебнула рому.

– А знаешь, в чем самый кайф? – Лиза развалилась на диване.

Гостья пожала плечами.

– В том, что ты всегда будешь так жить! – воскликнула шикарная Лиза. – Ты ведьма, ты все можешь! Можешь подойти к миллиардеру и сказать: дай миллиард поносить! И он даст! Правда, это не приветствуется, – оговорила она. – Но ты всегда можешь придумать какое-нибудь дело, и оно будет иметь успех – даже если ты решишь продавать черствые бублики. Просто все вдруг сочтут, что черствые бублики – это очень круто.

– А как же... кодекс? – смутилась Алиса.

– Ну... – широко улыбнулась Лиза. – Поэтому черствые бублики никто не продает. У меня, например, в Китае производство – делают обувь в огромных количествах, марка «Фетиш», в Москве сеть ювелирных и две гостиницы.

Алиса, опешив от такого размаха, лишь кивала.

– И все, что мне нужно – просто убедить людей, что они должны выбрать именно мой товар. А это, дорогая, проще простого. Я делаю качественные, красивые вещи, они всем нравятся, мне всегда сопутствует успех, у меня нет черных полос...

Она еще что-то говорила, но Алиса глубоко нырнула в собственные мысли. Жизнь без черных полос? Жизнь в полной уверенности, что завтра – и через год, и через пятьдесят лет все будет хорошо? Это про нее?!! Она что, тоже так может?

Почувствовав себя членом клуба избранных, она вольготно разлеглась на кушетке и пригубила ром. Даже Дима, ее рефлексирующий миллионер, и мечтать не мог о такой роскоши! Лиза ведь все тратила на себя!

– Мне не нужно одалживать деньги в банке, я просто встречаюсь с каким-нибудь миллиардером и беру в долг – без процентов, – вещала Лиза. – Конечно, я отдаю долги, но тут дело

не честности, а в возможностях. Безусловно, тебе еще надо поучиться, не каждая может влиять на людей, и, разумеется, многие просто не способны прыгнуть выше чудо-масок для лица – кстати, это тоже неплохой бизнес, если взяться за дело с умом, но тут все дело в принципе. Если ты считаешь, что настоящая ведьма должна с головой погрузиться в чистую магию – это один вариант, но лично я и многие другие нашли себя в современном мире.

– А кто, например? – любопытствовала Алиса.

Лиза вскочила, схватила с журнального столика последний «Харперз Базар» и открыла раздел светской хроники.

– Она. – Лиза ткнула пальцем в фотографию не очень симпатичной, но холеной и модной дамы, за спиной которой робко улыбались юные красавцы.

Дама прославилась тем, что около полугода крутила скандальный роман с актером лет на двенадцать моложе ее, а потом с очередным скандалом бросила его. Говорили, что это был пиар-ход, что актер получил взятку, а дама обрела известность, но достоверно никто не знал – ни подробностей, ни того, чем, собственно, она занимается. Но она была богата. Сказочно богата.

– Она?.. – удивилась Алиса.

– Ну да! – кивнула Лиза. – Эта действует с размахом, но она и была одной из первых, кто с астрологии перекинулся на экспорт черных металлов. И вот еще эта... – Лиза показала на шикарную блондинку, которой по слухам было лет сорок, а выглядела она на двадцать пять. И никаких следов операций.

– А... Устя... – разочаровалась Алиса.

Лиза как-то странно на нее посмотрела.

– Что? – не поняла Алиса.

Лиза отложила журнал и села рядом с ней на козетку.

– Послушай меня, – серьезно произнесла она. – Пока что у тебя здесь... – она приложила палец к голове Алисы, – полный сумбур. Ты еще привыкла сравнивать – себя и свою подругу Наташу...

– Откуда ты... – встрепенулась Алиса, но Лиза лишь отмахнулась:

– Ты привыкла завидовать, ревновать, ненавидеть... Это прекрасно. Замечательно. Но какой смысл завидовать слабому? Это не поединок, это бойня, моя милая. Наташа – лишь ступень эволюции, женщина трудной судьбы, жалкая, беззащитная, рабыня. Она не наслаждается жизнью, она лишь расплачивается – тяжело и скучно – за те крохи, которые подбирает за мужем. Муж у нее, кстати, гомосексуалист.

– Да ты что?! – Алиса подалась вперед и приложила руку к груди.

– Я тебе говорю! Устинья – это картина, шедевр, ее жизнь – искусство. Она прирожденная гедонистка и существует для того, чтобы на нее равняться. Лучшие любовники, от которых она получает все, чего пожелает, не ограничивают ее свободы – вообще ничего не требуют взамен... Красивые мужчины, красивая жизнь – на это не каждый способен. Но если ты полагаешь, что она зря копит воздух, то ошибаешься. Каждый мужчина, с которым она рассталась, считает время, проведенное с ней, лучшим в своей жизни. И они правы – она приносит удачу. Это древняя магия, и пусть она больше ничего не умеет – но в своем ремесле достигла совершенства. Она делает своих мужчин счастливыми.

Лиза замолкла и несколько минут наблюдала, как Алиса разглядывает узоры на обивке.

– Я знаю, тебе сейчас непросто. Ты взрослый человек со сложившейся системой ценностей, но у тебя есть два варианта – либо ты останешься заурядной женщиной, которая трясется, как чихуахуа, при мысли о пенсии, о складках на шее и о бесплатной медицине, либо ты рискуешь оставить прошлое в прошлом.

Алиса встала, налила еще рому и села в кресло напротив Лизы.

– Алиса... – тихо позвала та. – Ты теперь другая. Пойми, по большому счету, мы отличаемся от людей именно тем, что умеем жить. Мы знаем правила игры. Человек умирает, а его близкие говорят: «Отмучился». Люди живут в вечном страхе, в ожидании беды, они боятся наказания, страдают, они беззащитны и слабы! Они как дети, которые потерялись в толпе! Неужели ты не понимаешь, что жизнь – это счастье, свобода, наслаждение и Божий дар, а не череда унылых будней, которые люди оправдывают необходимостью, долгом, ответственностью?! Тебе повезло, ты – другая, хоть и узнала об этом слишком поздно, но у тебя есть шанс все наверстать! Не будь мазохисткой!

– И что мне делать? – как-то плаксиво, так, что самой смешно стало, спросила Алиса.

– А все, что хочешь! – воскликнула Лиза.

И Алиса поехала к Марку.

Он жил в переулке между проспектом Мира и Каланчевкой, в старом, после капитального ремонта доме, в просторной трехкомнатной квартире. Алиса любила его уютный беспорядок: на диванах вперемешку навалены пледы, книги, блокноты, одежда, на всех столах громоздились стопки альбомов по искусству, чашки, тарелки, пустые пачки от сигарет, свечи, ключья бумаги, на полу валялись диски с фильмами и музыкой... Здесь хотелось отдыхать, свернувшись в калачик на одном из мягких кресел, накрывшись пледом и уставившись в какую-нибудь глупую развлекательную передачу, казалось, в этом огромном кабинете, в который Марик превратил свой дом, нет места для быстрых рискованных решений, для терзаний, интриг и поспешных выводов.

В квартире у Марика все было таким же ленивым и равнодушным к той огромной части жизни, в которой люди делали карьеру, бурно спорили на тему войны на Ближнем Востоке, пытались создать семьи и т. д., как и он сам. Алиса один раз наблюдала, с каким изумлением Марик смотрел на оппонентов в передаче «К барьеру!» – казалось, он увидел инопланетян.

Он не признавал ничего, что не вписывалось в тот образ жизни, который он выбрал для себя – неспешный писательский труд, прогулки в хорошие дни и встречи в ресторанах в непогоду, красивые женщины, на которых он просто любит смотреть (это он так говорит!), мужчины, пахнущие «Ком де Гарсон», одетые в кашемировые свитера и замшевые куртки, запах дорогого трубочного табака, тяжелый аромат «Шанс» от Шанель или волнительный «Джуси Кутюр», дым сигарет, малиновый закат где-нибудь в Мексике или на Гавайях – все это было настоящим, жизнью, а все эти политики с толстыми мрачными лицами, нервные неухоженные женщины с отросшей прической-сэссон, отстаивающие право... да хоть право женщин не брить подмышки, и уж конечно, программа «Максимум» с подробностями жизненного уклада бомжей, проституток и прочих личностей, при взгляде на которых Ад кажется не таким страшным, выходили за границы его личной, Марка, реальности.

– Это я! – закричала Алиса в домофон.

– А я к тебе собираюсь, – сообщил Марк. – Навожу марафет.

– Ты откроешь, или мне внизу подождать, пока ты примешь ванну, выпьешь кофе и сделаешь маникюр?! – возмутилась Алиса.

– Маникюр я делаю в салоне, – обиделся Марик, но домофон запищал, Алиса толкнула дверь и через пять минут уже пыталась с порога зашвырнуть пальто на диван.

Марк выглядел чертовски соблазнительно в майке-алкоголичке, стильных тренировочных от «УЗ» и кожаных шлепках.

– И где марафет? – поинтересовалась Алиса, оценив щетину на подбородке.

– В ванной, – усмехнулся Марик и немедленно полез ей под платье.

– Отстань от меня, животное! – отбивалась Алиса.

– Ни за что, – мрачно ответил Марик, расстегивая молнию.

Закружилась голова – так было всегда, когда Марик ее тискал. Очнувшись она уже в спальне, когда он снимал с нее трусы и смотрел особенным взглядом – от этой поволоки в гла-

зах Алиса млела и вряд ли могла в этот момент вспомнить даже номер своей квартиры (если бы кому-то взбрело в голову его спросить). Он был такой крепкий, теплый, близкий и возбуждающий, что ей казалось, будто они находятся в некоем условном коконе, за пределами которого происходит нечто странное: растут деревья, ходят люди, кто-то что-то покупает в магазине – в общем, загадочные события, не имеющие никакого отношения к сути вещей, – их с Мариком сексу.

И у него была лучшая задница в городе – таких круглых, мускулистых и упругих ягодич не было ни у одного ее мужчины. Алиса сходила с ума, когда он поворачивался спиной – когда чистил зубы, или включал телевизор, или выходил из комнаты.

На этот раз спонтанный секс был быстрым, но отчаянным – Алиса казалась себе портовой шлюхой, на которую набросился залетный морячок, и от этой дурацкой фантазии ей вдруг стало весело.

– Что? – прошептал Марк, когда она захихикала.

– Ты меня не порви только на части! – попросила она.

– Это уж как получится... – пробормотал он и поцеловал ее в засос. – Ничего не могу обещать...

– Знаешь, Марик! – заявила она, вернувшись из ванной. – Я, кажется, хочу выйти за тебя замуж и родить тебе шестерых детей. Я просто не знаю, как еще объяснить, что со мной сейчас! – произнесла она, усевшись рядом с ним на кровать.

Он протянул руку и завалил ее на себя, поцеловал в макушку и погладил по спине.

– А я готов жениться на тебе, даже если у тебя уже есть шесть детей... Или собак.

– Мы же не серьезно? – забеспокоилась она. И даже попыталась вывернуться, чтобы взглянуть ему в глаза, но Марк не позволил.

– Почему это несерьезно? – возмутился он.

Она все-таки выскользнула из его рук и посмотрела на него с плохо скрываемым ужасом.

– Скажи, что это шутка! – потребовала Алиса.

– Шутка! – подтвердил Марк. – Но вообще-то в этом нет ничего страшного. Я два раза был женат. Или три. Нет, два. А у тебя что, замужествофобия?

– Наверное, – кивнула Алиса. – Просто меня раздражает весь этот бред на тему свадьбы. Все эти «жениться – не жениться»... Я, если честно, не понимаю, зачем это нужно.

– Ну, люди хотят жить вместе и подтвердить свои намерения перед богом и людьми... – Марк пожал плечами.

– Да ну, чушь какая-то! – фыркнула Алиса. – Сейчас-то кому нужна вся эта чепуха со свадебными платьями и родственниками из Моршанска? Мне лично совершенно не интересно весь день щеголять в дурацком белом парашюте, целоваться, когда все орут «горько!», и принимать пожелания плодиться и размножаться!

– А как же мои шесть детей? – ахнул Марк.

– О! – Алиса закатила глаза. – Отобьем парочку у Анджелины Джоли! Она, наверняка, уже со счета сбилась!

– Ты хочешь есть? – Марк оторвался от кровати и поискал трусики, но не нашел.

– Хочу чаю и сладостей! – оживилась Алиса.

– Сейчас...

Марк вернулся с сервировочным столиком, на котором исходил паром чайник и была навалена куча пакетов с конфетами, печеньем, ватрушками, пирожными с заварным кремом и фруктами.

Оставив Алису со всем этим добром, Марк пошел в ванную, а она нашла у него в дисках «Других» с Николь Кидман и уставилась в телевизор. Думать ни о чем не хотелось – все переживания лучше было отложить на завтра. Или на послезавтра.

Когда Марк вернулся, она уже спала – с половиной булочки на груди и с пультом в руке. Он стряхнул крошки, выключил свет, забрал ноутбук и пошел в кабинет – дописывать очередной детектив, которого так ждали его преданные поклонники. Он был лучшим. Самым популярным, самым богатым, самым интеллектуальным. И ему это нравилось.

Глава 4

На следующий день Алиса позвонила ему часа в три и каким-то странным голосом сообщила, что они встречаются вечером, в восемь, в «Ситории» рядом со станцией метро «Аэропорт».

Когда Марик приехал, Алиса уже была в ресторане, на столе красовались устрицы, сашими из угря и набор суши.

– Я хотела завалиться в какой-нибудь шикарный кабак, но поняла, что суши хочется совершенно неудержимо, так что гулять будем на полную катушку! Ни в чем себе не отказывай! Я угощаю! – заявила она.

Глаза у нее светились каким-то нездоровым возбуждением.

– А что случилось? – насторожился Марк.

– Слушай, я слегка не в себе, поэтому проявляй такт и понимание, но я... уволилась! – выпалила Алиса.

– Что? – удивился Марк, впрочем, не очень сильно.

Он никогда не понимал, что за нужда у творческих людей ходить в офис и прозябать там с десяти до шести, как какой-нибудь персонаж гоголевской «Шинели».

Алиса же так одержимо защищала свою работу, свое сложносочиненное отношение к жизни, что несколько его пренебрежительных замечаний растворилось в шуме и ярости, которые Алиса подняла в поддержку какой-то там карьеры и каких-то планов.

– Что случилось-то? – повторил он, зацепив устрицу.

– На-до-е-ло! – по слогам произнесла она и приняла у официанта текилу. – Я счастлива, и мы сегодня напьемся! – провозгласила Алиса.

Правда, ей и так уже казалось, что она пьяна – события сегодняшнего дня ударили в голову. Началось все с того, что она проснулась на полчаса раньше будильника. Общение с Еленой сегодня отчего-то прошло без потерь – та ее не очень мучила, и с утра не было привычной головной боли и усталости. Елена ведь обнадеживала, что она привыкнет – может, и правда, Алиса приспособилась как-то к этим ночным бдениям во сне?

«Пока все человеческое в тебе сопротивляется, но скоро ты будешь ждать наших встреч с нетерпением, они будут тебе в радость», – увещевала Елена, но Алиса, признаться, не верила.

Настоящая магия оказалась испытанием – приходилось так напрягаться душевно и физически, что иногда чудилось, будто она пробежала двадцать километров задорным галопом, а не лежала спокойно в кровати. Мозг словно отказывался принимать странные вещи, которым учила Елена, и все тело ему помогало – мышцы скрючивало, а в висках тяжело стучало. И это при том, что они пока не разучивали никаких заклинаний – Елена просто рассказывала ей о сути вещей, о том, что такое быть ведьмой, что работает, а что нет, и все эти простые слова было очень тяжело понять.

Она тянула из нее душу – жестоко, клещами, с кусками плоти, и Алиса нечеловеческими усилиями зализывала раны, оставшиеся после новых знаний о жизни.

Но этим утром Алисе было необычайно хорошо. Солнце, впервые показавшееся после долгих пасмурных дней, выставило все в новом свете – краски заиграли, наполнили жизнь восторгом и счастьем. В отличном настроении Алиса сварила чудный кофе, нарезала зеленый бри, отломала кусок булки и позавтракала с большим аппетитом, что было ей не свойственно.

Она заехала домой, вывалила из шкафа все вещи и выбрала драпированное черное платье из шелкового джерси, черные замшевые сапоги и огромную красную сумку.

Подумала и отрыла бабушкино пальто с пышным воротником из черной ламы, шляпу с огромными полями, накрасила губы помадой цвета «русский красный» и отправилась на работу. Она выглядела шикарно. Недоступно. Звездой.

В здание издательского дома вошла она прямой, но в офисе настроение поскользнулось и рухнуло с высоты собственного роста. О, боже... Как тут уныло! Скучные офисные столы, запылившиеся компьютеры, уродливые сувенирные кружки с логотипами разных компаний... В глазах потемнело. Неужели за этим тоскливым офисом она не видела жизни? Неужели ей казалось, что здесь, в этих грязно-белых стенах, есть что-то такое, ради чего стоит горбатиться до глубокой ночи – задержав дыхание, бережно расходуя кислород, прячась от акул и пугая мелких рыбешек? Неужели этот мрачный подводный мир, куда (за закрытые даже днем жалюзи – чтобы не отсвечивали экраны мониторов) не проникает солнечный свет, – привлекал ее?

Алиса постояла в дверях офиса, и, пока не передумала, не втянулась в какие-нибудь рутинные дела, развернулась, зашла в кабинет генерального директора и сообщила, что увольняется.

Татьяна Бек, дама лет пятидесяти, провела с ней длинную душевную беседу – как и предписывал корпоративный кодекс, так как совету директоров требовалось знать, отчего сотрудники желают покинуть место, но, впрочем, без особенного трепета. В «Глянце» считалось, что любая должность в самом популярном журнале – манна небесная. Поэтому и платили меньше, чем в «Харперз Базаре», и уж тем более меньше, чем в «Вог», а претензий было больше: мол, ты разве не понимаешь, какая это честь – работать в та-а-аком журнале? Осознаешь, какая это важная веха в твоей жизни?

Поэтому Татьяна отпустила ее без истерик и упреков. Попросила отработать неделю, а это значило, что уже есть кандидат на ее место, пожала руку, поблагодарила за сотрудничество и вернулась к текущим делам.

Алиса все-таки вернулась к себе в кабинет, который сейчас казался ей залом ожидания в каком-нибудь третьесортном аэропорту – неприятно, но ненадолго, выписала премии всем сотрудникам, всем авторам определила повышенный гонорар, заказала за счет редакции шампанского, дождалась пяти вечера и собрала коллег в большом зале.

– Девушки! – обратилась она к ним. – Без лишних слов. Через неделю у вас будет новый главный редактор! Я ухожу!

– Куда? – подпрыгнула Катя, корректор.

– Никуда! – расхохоталась Алиса. – Просто мне все надоело!

Девушки, разумеется, смотрели на нее так, словно она заявила, что у нее СПИД – им она казалась больной, ненормальной: разве может нормальный человек радоваться тому, что у него больше нет работы. И какой работы! По большому счету, уход Алисы для всех этих женщин был лишь хорошим поводом для сплетен – надо же чем-то разбавить унылую жизнь среднего офисного сотрудника? Сплетен хватит на пару-тройку месяцев (это в совокупности с назначением нового главного редактора), а потом все станет как всегда – и ссоры арт-директора с обозревателем рубрики «Культура», и шпильки, которыми обмениваются два младших редактора, и ненависть, пропитавшая отношения автора колонки «Дневник блондинки» и автора «Другими словами»... И так будет всегда. Но без нее. Ура!

– Девушки! – провозгласила Алиса. – В течение получаса я принимаю поздравления! У нас есть шампанское за счет редакции и конфеты за мой счет! Налетай!

Вылетела первая пробка из бутылки «Вдовы Клико», зашелестела обертка шоколадного набора «Линдт», все быстро выпили, набили животы и, правда, разошлись через полчаса – веселиться здесь не принято. Веселых пирушек в редакции не закатывали – не умели. Самым «веселым» событием была загородная вечеринка на Валдае, на которую весь персонал вывезли на автобусах – и два дня они умирали от тоски, распевая в караоке «Айсберг» и «А я все летала».

Алиса села в такси и отправилась в «Ситорию» к Марку. Ей хотелось разделить с ним триумф. Не с Фасей, не с Марьяной, а с ним. Она поняла это и сама удивилась – неужели она превратится в одну из этих типичных женщин, которые ценят дружбу, пока у них нет мужчины,

а стоит появиться тому, кто не заглядывается на бюсты четвертого размера, не говорит, что мечтает переспать со Скарлетт Йохансон и не корчит презрительные мины, если ты смотришь «Секс в большом городе», то тебе уже никто не нужен – и прощайте вечеринки с текилой в клубах, светлая память спонтанным поездкам в Питер вчетвером, чтобы курить в купе! И ночные посиделки в пижамах до шести утра – чтобы трепаться, пока не упадешь лицом в подушку, никто и не помянет всуе – табу?! Так, что ли, теперь будет? Алиса думала об этом с двенадцати до трех дня, пока не позвонила Марку, потому что всем нутром чувствовала – это должен быть он. Первый человек, который узнает о переменах в ее жизни. Тот, кто примет удар на себя.

Потому что... Файка с Марьяной будут охать, визжать и кричать, что она сумасшедшая – пусть и с одобрением! В общем, будут вести себя так, будто она купила новую машину.

А у нее началась новая жизнь, и это было так важно, что Алиса не готова была к воплям и экстазу, не хотелось, чтобы торжественность момента растворилась в гвалте.

– А ты уволилась так... под настроение или у тебя большие планы? – Марик задал тот самый вопрос, которого она ждала.

– Ща! – пообещала Алиса и слопала три устрицы, поливая их дивным острым соусом. – Уволилась я под настроение, но планы у меня огромные. Только я еще не знаю – какие.

– Ты что, авантюристка? – неожиданно расхохотался Марик.

– В смысле? – насторожилась Алиса и в ожидании ответа набросилась на суши с угрем.

– Ну... – Марик подлил белого вина. – Ты... Я думал, ты зануда!

– Что?! – Алиса стукнула кулаком по столу. – Зануда? Я?

– Мне даже нравилось за тобой подсматривать... – широко улыбнулся он. – Ты с таким видом бросалась к телефону, словно у тебя мама в больнице и ей делают трепанацию черепа. Когда ты засыпала, то думала о работе. Ты просыпалась за полчаса до будильника, а потом опять засыпала – убедившись, что не проспала работу. Когда ты вся в своих журналистских мыслях, у тебя вид, как у голодного бультерьера...

– Хватит! – оборвала его Алиса. – Неужели все так... жутко? Это я? Была я? Как ты вообще на меня запал?

– Ну... У тебя классная задница и большие сиськи... – хмыкнул Марик.

– У меня нет больших сисек! – Алиса шлепнула его по голове. – Ну, честно-честно! Расскажи, какая я прелесть!

– Ой... – поморщился он. – Очень надо?

– Очень-очень! – Алиса затрясла головой.

– Послушай, я познакомился с тобой только потому, что надеялся – с этой уверенной в себе, умной и, в лучшем смысле слова, стервозной девушкой мне не придется тратить время на пустые комплименты и всякие пошлые обещания, – Марк выразительно посмотрел на нее. – Но раз ты настаиваешь, то самое главное – после того, что ты классно трахаешься, хоть безупречной красавицей тебя и не назовешь, и фигура у тебя не то чтобы идеальная...

– Хватит! – воскликнула Алиса. – Давай опустим вступление и сразу перейдем к приторной, лишенной всякого вкуса, вульгарной лести!

– Ладно, – согласился он. – Ты необыкновенная. Кроме всего того, что я уже перечислил, и несмотря на некоторые ничтожные недостатки, ты самая удивительная женщина в моей жизни. В тебе есть... чертовщинка. Что-то необъяснимое. Загадка.

– Должна же быть в женщине какая-то загадка... – пробормотала Алиса.

– Тебе не понравилось? – спросил Марик.

– Ну... Так себе. И это не твоя вина. Лучший комплимент для девушки – бриллиант.

– Ага! – спохватился Марик. – Кстати, тут вот...

Он перетряхнул все карманы, после чего, наконец, вынул коробочку ручной работы – с какими-то веточками и золотой сетчатой оберткой, и передал ее Алисе.

– Купил после того, как ты позвонила. И это просто подарок.

Алиса быстро подняла крышку, не пощадив упаковки, и обнаружила восхитительное кольцо белого золота с бриллиантом карата в полтора.

– О-о... – растрогалась она. – Как это мило... И щедро... Почему?

– Ну, во-первых, у тебя был такой голос, что мне захотелось поднять тебе настроение. А потом, если мы расстанемся, я у тебя его отниму. Так что в твоих интересах не выпендриваться и быть хорошей девочкой. Чаще заниматься со мной оральным сексом и следить за домработницей – она всегда куда-то деваает мой второй носок. Ну, и я рассчитываю, что ты не будешь так часто носить свое жуткое кольцо, как у какого-нибудь Вампира Лестата.

Алиса довольно мрачно посмотрела сначала на любимый перстень с черным опалом, который даже в полумраке играл всеми цветами радуги, а потом на Марика.

– Я пошутил! – он поднял вверх руки.

Алиса же надела на средний палец левой руки новое колечко и залюбовалась – камень был потрясающий, чистый и прозрачный, как родниковая вода.

– Спасибо... – она наклонилась и поцеловала его в уголок губ. – Постараюсь чаще говорить тем самым голосом, что вызывает у тебя сострадание.

– Я ограничен в средствах, – напомнил Марк. – Так что можешь зря не стараться.

После ужина они поехали к нему, часа два валялись в кровати, поедая в перерывах между сексом мороженую малину с сахаром, а потом Алиса укатила домой – хотелось побыть одной. Иногда это было необходимо – и Марик все понимал. Не потому, что они недавно начали встречаться – Алиса была уверена, что он всегда будет такой, ведь когда два эгоиста и сибарита начинают встречаться, и когда они еще не понимают, но уже догадываются, что это любовь, они делают все возможное, чтобы не превратиться в одну из этих жутких парочек, которые перестают быть самими собой, и просто встают на накатанные рельсы – совместная квартира, свадьба, немного нервный медовый месяц, который длится неделю, ремонт, дети, загородный дом, а потом вдруг два отдельных человека приходят в себя и, оказывается, что жизнь занесла их по этим самым рельсам так далеко, что не видно уже, где все начиналось, и они пытаются понять, как так получилось, что случайный попутчик стал спутником жизни.

Алиса сначала направилась в квартиру, но передумала и поехала за город.

Она распахнула двери дома так, словно надеялась, что внутри ждет компания, которая встретит ее криком: «Сюрприз!». Но ее встретила тишина, и это Алису лишь больше возбудило. Это был ее дом и ее тишина. Правда, не такой роскошный, как у Лизы – хоть она и видела только квартиру, но уж наверняка у Лизы особняк сказочной красоты.

Алиса плюхнулась на диван и набрала ее номер.

– Лиза! – воскликнула она. – Не спишь? Ага, хорошо... Так вот, я уволилась! Да! Не вру! Давай! Конечно! Прямо сейчас? Естественно! Жду! Пиши адрес...

Минут через сорок у ворот притормозила «Ауди ТТ» небесно-голубого цвета. Добравшись до подъезда, Лиза вытащила с заднего сиденья две огромные сумки, швырнула их Алисе и велела:

– Открывай!

Расстегнув молнии, Алиса завизжала. В сумках были классические костюмы ведьм – остроконечные шапки, длинные черные платья, шали и полосатые, красно-белые носки! Кроме того: фейерверки, миксер для коктейлей, спиртное, лаймы, длинные гирлянды с хрустальными звездами, свечи в форме тыквы, и прочая хэллоуиновская чепуха. Пока Алиса развешивала по потолочным балкам гирлянды, Лиза смешивала коктейли, а потом они переоделись, взяли стаканы и вышли на улицу.

– Я научу тебя нескольким простым приемам! – пообещала Лиза. – Закрой глаза!

Алиса, которая хоть и была изначально не трезва, но от напитка по рецепту Лизы опьянела, как от рюмки горячего абсента, покорно закрыла глаза и закинула голову.

– Раскинь руки! – послышался голос Лизы.

Алиса раскинула руки и ощутила, что открыта для всего. Для всего мира. Ей было легко и приятно – ни усталости, ни вины, ни страха не осталось.

– Подумай о чем-нибудь хорошем, – распоряжалась Лиза. – О чем-нибудь очень приятном.

Алиса представила себя на острове, на диком пляже с белым песком, на который накапывает синее море, и рядом Марк... Горячее солнце припекает, ее скрывает тень какого-то тропического дерева, на полотенце – желтом, толстом, махровом полотенце – холодная дыня, до одури пахнет цветами, водорослями и нагретой землей. Марк – загорелый и голый, они купаются нагишом, отчего все тело дышит свободой, целуются, и нет никого вокруг...

– Только не волнуйся, – предупредила Лиза. – Не делай резких движений. Открой глаза...

Алиса открыла глаза и ничего не поняла. Все было как прежде.

– А в чем собственно... – она с удивлением взглянула на Лизу и ее озарило. – А-ааа! – закричала она. – А-ааа! – повторила она, но уже с восторгом. – Не может быть! – и Алиса расхохоталась, отчего перекувыркнулась, испугалась и чуть не упала.

Она висела в воздухе! Как... Как шарик! Парила!

И дело было не столько в том, что она невесома, не в том, что Алиса испытывала ни с чем не сравнимое удовольствие от того, что ее тело – легкое как листок, а от восторга, от счастья, что переполняли ее, и делали все эти пустые для человека сравнения «лечу», «парю», «не касаюсь земли» действительностью, жизнью. Она и правда ощущала все то, о чем человек способен лишь фантазировать – в меру собственного, иногда скудного, временами плодовитого, но всего лишь воображения.

Ей было так хорошо, что жизнь покалывала ее, пощипывала, Алиса впитывала происходящее вдруг ставшей столь восприимчивой кожей, и не было в этой эйфории ничего пугающего, ничего, что можно было бы сравнить с наркотическим упоением, к которому так тянутся слабые люди, готовые жизнь променять на чувство всепоглощающего счастья.

– Дай руку! – сказала Лиза.

Алиса протянула руку, и Лиза потащила ее за собой – чуть выше, и правее, и они сделали круг, вернулись к дому и спустились пусть не с небес, но все же из воздуха на землю.

– Я тебе тут кое-что подмешала, – призналась Лиза, указывая на коктейль. – Но в следующий раз ты сможешь сама. Принцип ты поняла?

Алиса лишь кивнула. Слова казались лишними.

Глава 5

– Сегодня будет вечеринка! – возвестила Лиза, напугав Алису, которая еще не выбралась из сладкого сна, где все было лиловым и лазоревым.

За окном смеркалось – дни еще были короткими, хоть уже и ощущалось скорое торжество весны. Сколько же она спала? Наверное, это не имеет никакого значения...

Лиза была в одежде – даже в шубе, но в руках держала кофе.

– Вечеринка у меня дома, за городом. Я живу на Ярославке. Вот кофе, вот адрес, можешь позвать подруг.

И она ушла, оставив после себя душный запах «Шанель № 5» и чашку кофе с молоком.

Алиса хлебнула кофе и позвонила Фае с Марьяной. Новость, что у Алисы теперь есть подружка-ведьма, не очень-то их обрадовала (наверное, Алиса уж слишком ею восторгалась), но любопытство пересилило, и они сказали, что придут.

К девяти собрались у Алисы. Лиза предупредила, чтобы все были в белом: Фая надела белое шифоновое платье «ампир» от «Версаче», с летящей юбкой до пола, Марьяна – замшевое мини с высокими белыми сапогами, а Алиса выкопала из гардероба потрясающее белое платье от «Азедина Алайи» – музейный экземпляр, который она буквально вырвала из рук Линдсей Лохан, когда прошлый раз ездила в Нью-Йорк на неделю моды. Платье чудом оказалось в одном из модных секонд-хэндов, называвшихся теперь винтажными магазинами, и был скандал, но Алиса пригрозила порвать платье, если оно не достанется ей. Оно было как из книги по истории моды – с разрезами по всему телу, скрепленными шнурками, и облипало Алису, как вторая кожа.

Фая с Марьяной объявили, что она чересчур вырядилась, но согласились, что наряд того стоит.

Они заказали такси – чтобы можно было выпить с чистой совестью, и отправились на Ярославку.

Дом стоял посреди поля, а точнее, на большой и красивой поляне (все прелести пейзажа, правда, можно было оценить только летом) и был такой огромный, что даже Фая, которая отчего-то всегда делала вид, что ее ничем не удивишь (после особняка ее родителей площадью в полторы тысячи квадратов, и правда, трудно было поразить воображение), опешила.

Дворец. Дворец в стиле модерн. Изогнутые линии, широкие и длинные окна. И отсюда еще не видно, что на всем первом этаже со стороны двора – стеклянная стена. Высоченные потолки.

Кованые ворота распахнулись, и Алиса заехала внутрь.

Едва переступив порог, подруги замерли, схватившись за руки. ТАКОГО они еще не видели! На полу лежал белый пушистый ковер. На стенах – от пола до потолка – прозрачные панели, которые выглядели, словно глыбы льда – изнутри их освещали лампы, переливающиеся, как северное сияние. Потолок затянут темно-синим шелком и завешан гирляндами с хрустальными звездами.

Казалось, они попали в чертоги Снежной королевы – ведь самым главным было то, что с потолка падал серебристо-белый искусственный снег. Белые глянцевые столы ломались от океанских яств – омары, крабы, малосольная семга, икра, тигровые креветки в блюдах, вырезанных из льда... И женщины в белом. Много-много женщин в белом. Все это было похоже одновременно на Миланскую, Парижскую, Лондонскую и Нью-Йоркскую недели моды – прекрасные, стройные, холеные женщины в нарядах от-кутюр, с экзотическими прическами и безупречным макияжем.

– Алиса! – завопила откуда-то Лиза.

Они обернулись и увидели ее – с уложенными, как у японки волосами, в платье с прозрачным верхом и пышной, в десять слоев юбкой, в роскошных бриллиантах.

– Это не бриллианты, а феоныты – слишком большие! – улыбнулась Лиза, оценив, с каким интересом гости уставились на колье и ободок.

– Фая, Марьяна, – торопливо представила подружек Алиса. – Слушай... Это же... такая красота! – Алиса всплеснула руками. У нее не было слов.

– Развлекайтесь, – снисходительно усмехнулась Лиза. – Я пойду, у меня дела.

И она поспешила из комнаты, шурша нижними юбками.

– Смотри! Смотри! – дернула Алису Марьяна и показала на известную певицу и телеведущую, которая беседовала с пышнотелой блондинкой.

– Не фи́га себе вечеринка! Кто твоя подруга? Потанин? Прохоров? Абрамович? – бурчала Фая, растерявшаяся не меньше других.

– Вы Алиса? – окрикнула ее шатенка в белом платье, как у Мэрилин Монро. – Извините, – она приветливо улыбнулась Марьяне и Фая. – Лиза просила о вас позаботиться. Меня зовут Соня.

– Вы... ведьма? – встряла Марьяна.

– Да, – еще более приветливо улыбнулась Соня. – Я работаю на Лизу.

– А она ведьма? – Фая кивнула на певицу.

– Это наши особые гости, – строго ответила Соня. – Как и вы.

– То есть не ведьма? – уточнила Фая.

– Нет, – Соня покачала головой. – Пойдемте я вам все покажу.

Она провела их по залу, походя представляя гостям, вывела на улицу, где прямо в саду устроили террасу, тоже покрытую белым ковром – здесь стояли низкие белые кресла и газовые горелки, показала пруд, по которому плавали укутанные мехом миниатюрные гондолы, и привела обратно в зал. От такого великолепия у Алисы кружилась голова – она упивалась новыми впечатлениями и возможностями! Эта восхитительная жизнь распахнула перед ней двери, это был ее мир – мир женщин, которые умеют развлекаться по высшему разряду, мир, в котором ты получаешь все только самое лучшее!

– Ну не... уя себе! – прокомментировала Фая. – Я в экстазе...

Они набрали еды и устроились на террасе. Это было восхитительно – сидеть в тепле, когда вокруг – мрак, сырость и холод.

Только они расправились с креветками, как к ним присоединилась высокая смуглая женщина лет сорока в белых кожаных джинсах и шелковой рубашке.

– Не помешаю? – поинтересовалась она.

Девушки покачали головами и судорожно проглотили креветок.

– Меня зовут Тамара, я знаю, кто вы, – сообщила она Алисе. – О вас все знают. Я очень любила вашу прабабушку – она учила меня магии.

Не успела Алиса открыть рот, как ее перебила Марьяна.

– А что сегодня будет? – спросила она. – Ну, есть какая-то программа, или все просто будут ходить и трепаться?

Тамара вынула из крошечной золотой сумочки мундштук, украшенный бриллиантами, закурила и сказала на выдохе:

– Сейчас мы все наедемся и напьемся, а потом начнется шоу. Лиза устраивает отличные вечеринки. Не соскучитесь.

– Да я не об этом! – смутилась Марьяна. – Здесь и так очень здорово! Просто мы никого не знаем...

– А вы выпейте коктейль «Оборотень», – посоветовала дама. – Эй! – окликнула она официантку. – Три «Оборотня»! Да, я всех вас приглашаю к себе в среду на пре-пати.

– На что? – не поняла Алиса.

– А! – Тамара хлопнула себя по лбу. – Ты же не в курсе! Все вы, наверное, знаете... – она внимательно посмотрела на каждую, – что тридцать первого апреля на Лысой горе состоится шабаш ведьм. Ну, и весь апрель идут предварительные вечеринки. Моя – в среду.

– А это тоже... – Фая покрутила рукой.

– Нет, это просто вечеринка. Лиза устраивает свою пре-парти в пятницу. Приходите, будет весело.

Она порылась в сумочке и вытащила три крошечных ключика из горного хрусталя.

– Это пропуск, – сообщила она.

Подоспевшая официантка поставила на стол три синих коктейля, внутри которых что-то мерцало.

– Ура! – провозгласила Тамара. – Пить нужно залпом.

Они не без труда одолели пол-литровые бокалы, но едва стаканы вернулись на стол, как вся троица почувствовала – что-то изменилось. И это не спиртное ударило в голову, хотя его было немало, но вдруг они ощутили себя, как дома, словно в кругу ближайших друзей, и все лица сделались такими знакомыми, такими любимыми, и все стало так просто, что даже невообразимая роскошь больше не удивляла – все казалось само собой разумеющимся, как пицца и текила на обычных девичниках. Фая вдруг бросилась дружить с известной певицей, Марьяна увлеченно обсуждала мужчин с красоткой Устиньей, а Алиса хохотала над шутками дамы средних лет в брючном белом костюме, которая владела безумно дорогими SPA-центрами, где в среднем процедура стоила тысяч двадцать рублей. От клиентов, кстати, отбоя не было. И вдруг погас свет. Кто-то кому-то наступил на ногу, у кого-то разбился бокал, кто-то врезался в стол, но только улеглась первая суматоха, как вспыхнули звезды, спустившиеся с потолка, грянула музыка, и все увидели сцену, что скрывалась за белыми драпировками, которые Алиса первоначально приняла за шторы.

Шоу позавидовал бы «Мулен Руж» – Соня шепнула Алисе, что костюмы заказывали нарочно для этой вечеринки, а танцоры – международные звезды стриптиза.

Это была феерия. Не банальное кабаре – нет. Стриптиз высокого полета, не утративший животной сексуальности, драйва полубордельных заведений – чувственный, грубоватый, но роскошный – и благодаря дорогим декорациям, и благодаря немыслимому мастерству танцоров и танцовщиц.

Все бросились в пляс – дамы в облегающих платьях, дамы в кринолинах, дамы в узких джинсах и пышных юбках, а с потолка сыпались серебристые блески, и взрывались хлопушки, и ревели музыка... После стриптизеры выплясывали на столах, большинство дам бросались в бассейн с подогретой водой – нуждающимся выдавали белые бикини, а Алиса с Фаей и Марьяной до истерики катались с водяной горки. Перед самым рассветом в небе заполыхали фейерверки – и это продолжалось целый час. Небо взрывалось синими, золотыми, зелеными и красными искрами, и это было красиво так, что пробирало до печенок, а потом все встречали солнце – с недоверием глядевшее на девичник из-за серого облака, а потом пили чай и глинтвейн на террасе – всем, кто купался, выдали толстенные белые халаты до пола и белые тапочки из овчинки.

После чая с пирожными начали прощаться – Алиса с подругами уехала одной из первых – не хотелось в толпе растерять впечатления.

Они уже почти добрались до дома, когда Марьяна, наконец, подала голос:

– Ну и ну...

А Фая подтвердила:

– С ума сойти можно! Алиса! – воскликнула она. – Я тебе завидую! Это просто... – и добавила длинную тираду из выражений в превосходной степени, к сожалению, трижды нецензурных. – Я просто переварить не могу, что это все теперь твое – эти женщины, эти вечеринки, дома... Откуда они все берут деньги?

– Забыла предупредить! – спохватилась Алиса. – Я уволилась.

– А?! – девицы попытались одновременно перелезть с заднего сиденья на переднее, но столкнулись лбами.

– Отвали, корова! – зашипела на Фаю Марьяна.

– Сама корова! – обиделась Марьяна. – Куда прешь?!

– Как это уволилась? – возмутилась Фая. – На что ты будешь жить? Или у вас деньги на деревьях растут?

– Что-нибудь придумаю... – ответила Алиса. – Девочки! Вы хотя бы понимаете, что происходит?

– С трудом... – призналась Марьяна. – Но мне это нравится!

На следующий вечер Алису растолкала Фая. Она возбужденно махала руками и убеждала ее, что им срочно нужно куда-то собираться, но та отмахивалась и уверяла, что никуда не поедет, пока Фая не заткнется и не сделает ей кофе.

Наконец, Алиса встала, спустилась вниз и застала подружек за поеданием сладкого пирога, который кухарка приготовила вчера.

– Обадено оа утя отовит! – с набитым ртом похвалила Марьяна. Она потянулась за чашкой с кофе и выпила всю. Чашка была Алисина.

Алиса закатила глаза, сделала новый кофе, и тут же почувствовала зверский аппетит. Несмотря на диеты, они втроем сожрали противень пирога, заполировали его супом-пюре из тыквы, выпили по рюмке коньяку, и тут Фая напомнила, что звонила Лиза и приглашала в город на встречу.

– Как-то она выразилась... – с трудом ворочая языком, произнесла Фая. – Просто встреча, или деловая встреча... Или что-то вроде деловой встречи... В общем, нам всем нужно надеть черное.

Час они толкались у Алисиного гардероба, рвали друг у друга из рук вещи – и замечания Алисы, что шкаф ее, одежда ее, и именно она наденет черные джинсы-дудочки, не действовали.

– Не надо было задницу наедать! – Фая топала ногами. – Ты в них не влезешь! А у тебя ноги короткие! – она пихнула в грудь Марьяну, которая чуть было не воспользовалась Алисиной растерянностью.

Наконец, с помощью хитроумной интриги Алиса вытолкала девиц за дверь, закрылась в гардеробе и надела, наконец, джинсы, черную драпированную кофточку от «Персонаж», высокие ботинки на шнуровке и короткую дубленую безрукавку. Дополнив наряд поясом с металлическими пластинами, шарфом из вязаной норки и массивными серебряными цепями, она запустила девиц, которые, в конце концов, тоже что-то для себя нашли. Правда, Марьяне платье было велико, а Фая нацепила юбку, которая ей была маловата, но главное, что все в конце концов остались довольны.

В город они приехали часа через полтора – в «Миа Пьячча» уже все собрались. Алиса и сама опешила от такого количества девушек в черном – человек двадцать, а что уж говорить об официантах и посетителях. Наверное, они решили, что стали свидетелями сбора сатанистов – особенных таких сатанистов, с черными стегаными сумками от «Марка Джейкобса» и от «Ботега Венетта», в тряпках от «Гальяно» и «Готье» и в сапогах из бутика «Парад». На многих дамочках из их компании были шляпы – таблетки, береты, тюрбаны, украшенные дорогими брошами, ковбойские и широкополые, как на девушке в имидже Джейн Биркин – с одноименной сумкой, разумеется, из черного крокодила.

Сюрреалистическое зрелище. Но еще более странными были разговоры.

– Уникальная концепция! – убеждала девушка с темно-русыми прямыми волосами до плеч. – Торговый центр для одиноких девушек. Все только для себя любимой! Три этажа, зимние сады для курения, вегетарианский ресторан, два японских, три французские кофейни, салон красоты, SPA-салон, маникюр-бар, «Лаш», «Бодишоп», сестры Лемм согласи-

лись открыть свой бутик, потом эта фирма, у которой все кремы пахнут тортиками, броу-бар, в каждом косметическом магазине – визажист, на цокольном этаже спорт-клуб, и только женская одежда – никаких мужчин, ни детей! Ни в коем случае не семейный отдых – только женщины!

– И где? – поинтересовалась дама с короткой стрижкой.

– На Тургеневской площади, – гордо возвестила деловая девушка. – Будем сносить уродливое офисное сооружение.

– Круто! – подала голос Лиза. – Инвесторы не нужны?

– Можешь взять в аренду площадь до трехсот квадратов, – зыркнула на нее девица.

– А мы открываем загородный курорт! – возвестили две близняшки с рыжими кудрями. – Будет выглядеть как поместье, все под старину, кровати с балдахинами, камин... Курорт только для расслабления – йога, бассейн, массаж, термальные ванны, шоколадные и клубничные обертывания, психолог, два кинозала, кислородное обогащение, фреш-бар, – тараторили они. – Царство гедонизма!

Алиса, открыв рот, слушала этих хрупких, изящных девушек, которые замахивались на дорогие и рискованные проекты – и у них ни малейших сомнений не было в том, что они могут провалиться. Казалось, они обсуждают планы на вечер – сходить в кино или поехать на танцы, а не многомиллионные вложения.

Алиса упивалась тем, что она – одна из них, что спустя некоторое время и она вот так скажет: открываю... тут Алиса впала в ступор... открываю что-нибудь высококлассное!

Они посидели еще часа два и разошлись – встреча, как поняла Алиса, была исключительно деловой: девушки обменивались советами, договаривались о проектах и, главное, решали, кто чем занимается – чтобы не было повторений.

Алиса с подругами отправились в ресторан Марьяны – выпить еще коктейлей и обсудить увиденное и услышанное.

– Да-а... – протянула Марьяна. – Мне бы такие возможности... Алис, ты по дружбе не могла бы очаровать кое-кого из администрации округа? А то у меня с перелицензированием проблемы – я до сих пор зарегистрирована как магазин! Не этот ресторан, а тот, который на Китай-городе.

– Слушай, ну а у тебя уже есть идеи? – вцепилась в Алису Фая.

Алиса покачала головой. Странно. Ее очень возбуждало все то, что она видела, но до сих пор эта жизнь казалась ей ненастоящей. Все было, как в сказке – так легко, красиво, что она никак не могла поверить, что так бывает. Все эти женщины... ведьмы, их дома – правда, до сих пор она видела только дом Лизы, но этого впечатления ей надолго хватит, их одежда, лица без возраста, успех... Алиса не могла поверить, что она – часть этой блестящей жизни. Как так? Вчера она тянула лямку в журнале, а сегодня взмывает в воздух? Груз прошлого и страх настоящего тянули вниз – она сомневалась, что и у нее все будет так же чудесно.

Алиса попыталась объяснить все это подружкам, но те ее высмеяли.

Особенно Фая. Наверное, из Фаи получилась бы лучшая ведьма, чем из Алисы. Фая на них похожа.

– Алиса, брось! – увещивала ее Марьяна. – У тебя такие возможности, а ты куksiшься! Как так можно?

Но Алиса уже устала и от впечатлений, и от уговоров – она попрощалась с девицами и отправилась домой.

Она ни разу не произнесла это вслух, но ей было страшно. Когда все только начиналась и все было намного хуже, она так не боялась. У нее не было выхода, а сейчас вроде бы столько возможностей, но она не в состоянии сделать первый шаг... Что-то ее смущает. Где-то тут есть подвох. Где? Алиса искала, но не нашла. Может, это в ней самой подвох? Может, она просто... ссыкло?

В конце концов ей надоело копаться в себе – она схватила книжку Маши Царевой, которую давно и преданно любила, и отправилась в кровать.

Глава 6

Проснувшись Алиса в мрачном расположении духа. Елена приступила к заклинаниям и задала Алисе домашнее задание, с которым, подозревала ученица, ей не справиться не то чтобы до вечера, а до следующего года. Легко сказать – приготовить зелье дружбы! Суть в том, что, выпив это зелье, ты вдруг становишься любимцем публики, но есть нюансы: изготовить его нужно без побочного эффекта – выпадения волос, которого легко добиться, переложив банальный лимонник. Лимонник, чтобы облегчить взвешивание, лучше бы растолочь, но толочь нельзя, так как испаряются эфирные масла – нужно резать на крошечные кусочки очень острыми ножницами – ни в коем случае не ножом, и еще необходимы сверхточные весы.

Невыспавшаяся Алиса поехала в город, в хозяйственную лавку, которую рекомендовала ей Лиля.

Магазин находился в Бобровом переулке и выглядел как обычный малобюджетный антикварный. В витринах – всякие там чайники, кастрюли из латуни, ступки, прялки, котелок, серебряные приборы...

Отличался магазин лишь тем, что в нем не было ни дурацких витражных абажуров, ни замшелых шкатулочек неизвестно для чего, ни дешевеньких украшений с блеклыми рубинами. Тут все было отполировано до блеска и на антиквариат, если честно, не очень-то походило.

– Добрый день! – послышался голос из-за ширмы с шикарными вышитыми цветами.

И навстречу Алисе вышла дама в прямых облегающих джинсах, в цветастом платье-халате от «Персонаж» и в изумительных кожаных сапогах – простых, как веллингтоны, но до невозможности изящных.

Алиса, на которой как раз была дивная кофточка с драпировками от «Персонаж», тут же почувствовала к хозяйке доверие. Будто они были членами одного тайного общества. Хотя они и были. Ведьмами.

– Чем могу помочь? – поинтересовалась хозяйка, с любопытством оглядев Алису.

– Мне нужны хорошие и точные весы, – сообщила та.

– Насколько точные? – прищурилась хозяйка и закурила.

Алиса вздрогнула – она не привыкла, чтобы в магазинах курили. Хотя... Это же ее собственный магазин – почему бы хозяйке не закурить?

– Настолько, чтобы приготовить зелье дружбы.

То ли ей показалось, то ли в глазах у владелицы лавки мелькнуло удивление.

– Это сложное зелье, – после небольшой паузы заявила она. – И вам нужны хорошие весы. Дорогие.

Алиса пожала плечами. Женщина попросила подождать, скрылась в глубине магазинчика, а минут через пять вернулась с небольшими – десять на пятнадцать сантиметров – латунными весами. Они были очень красивые – блестящие, с изящной гравировкой и хорошенькими гирьками.

– Я бы рекомендовала эти, – хозяйка поставила весы на прилавок. – Не то чтобы они лучшие, но у вас гарантированно будет запас точности. Дешевле я бы не рекомендовала – вы же понимаете...

– Отлично! – улыбнулась Алиса. – Сколько с меня?

– Девяносто тысяч рублей, – безмятежно ответила хозяйка.

– Что?! За весы?! – воскликнула Алиса, у которой во рту пересохло.

Не может быть! Почти три тысячи евро за какие-то весы?!!

– Извините, но они столько стоят, – растерялась хозяйка. – Весы, наверное, самая важная вещь после таланта. Я даже не буду вам предлагать более дешевый вариант – это противозаконно, если, конечно, вы действительно собираетесь варить зелье дружбы.

– Да-да... Простите... – пробормотала Алиса. – Я просто не ожидала... Где здесь ближайший банкомат?

– Мы принимаем кредитные карты, – хозяйка зашла за прилавок.

Алиса смутилась. Вот глупость! Отчего-то ей показалось, что в магазине, переполненном стариной, нет и не может быть аппаратов для кредиток. И считают тут на счетах! Касса, правда, была обшита красным деревом – видимо, это ее и сбilo с толку.

И уже через десять минут Алиса выходила из магазина, держа в руках весы, упакованные в пенопластовые шарики, в золотистую хрустящую бумагу и коричневую коробку, обшитую дерматином.

Она все еще не могла прийти в себя от потери девяноста тысяч – это надо же!..

Вернувшись домой, Алиса поставила весы на стол и устала на табло, которое состояло из миллиарда крошечных делений. Тут все было не так, как принято – маленькие стрелки надо было подкрутить на нужные цифры – граммы, положить на чашу порезанный на крошки лимонник и следить за большими стрелками, которые бегают с позиции «много» и «мало» до «правильно».

После танцев с пинцетом – Алиса то убирала, то добавляла щепотки травы, – стрелка, наконец, остановилась на «правильно». Алиса вытерла пот со лба, взвесила еще тридцать семь компонентов – на это ушло два часа, добавила три капли яда гадюки, кровь летучей мыши, воды, настоянной на коре анчара, три столовые ложки уксуса, имбирный отвар, розовое масло и бросила в получившуюся смесь свой волос.

«Интересно, это ничего, что он крашенный?» – задумалась Алиса, но сомневаться было поздно. Тут-то она и поняла, отчего на кухне была печь – настоящая печь, с чугунной плитой и духовкой. Раньше она думала, что это лишь деталь интерьера. Поставив зелье томиться, Алиса плюхнулась в кресло и ощутила, что выжата, как лимон. Или как этот злосчастный лимонник. А ей еще и заклинание читать. Правда, через час – когда зелье созреет.

Заправившись для храбрости виски, Алиса решила провести ревизию – взяла книгу «Магия Высшего уровня» (что уж тут мелочиться?), открыла отдел «Инвентарь» и сверила имеющиеся в наличии предметы с необходимым набором профессиональной ведьмы. Да-а... Не густо. Все какое-то старенькое и не очень качественное. Но если она решит сейчас обновить парк ступок и всяких там котлов, то на это уйдет не меньше десяти тысяч долларов! Офигеть! А у нее на счету, может, и есть тысяча пятнадцать – то есть после покупки весов уже двенадцать, но это золотой фонд, на крайний случай – а сейчас и есть тот самый крайний случай, она ведь безработная! Ладно, хватит с нее весов! Для начала.

Вынув зелье и прочитав заклинание, Алиса разбавила смесь родниковой водой – отчего настой запузырился, страшно ее напугав, но в итоге приобрел красивый, жемчужно-розовый оттенок. С помощью изысканной серебряной воронки Алиса перелила его в темно-коричневую бутылку, закупорила и отнесла в подвал.

Но только она поднялась наверх и размечталась о сытном ужине и десерте с яблочными цукатами – зазвонил телефон.

– Да! – недружелюбно рявкнула Алиса.

– Могу позвонить позже, – заявил Марк.

– А, это ты! – обрадовалась Алиса.

Как она могла начисто забыть о нем? Что за бред?!

– Ты пропала, я волновался... – коротко отчитался Марик.

– Я... – запнулась Алиса. – Прости! Я тут что-то после увольнения угорела. Загуляла с девочками...

– Да я только рад за тебя, – отозвался доброжелательный-доброжелательный Марик.

– Скажи, ты не хочешь приехать ко мне сюда? – сообразила Алиса.

– Куда – сюда?

– На дачу, – пояснила она.

– Хочу... – задумался Марик. – А там у тебя не очень... по-дачному?

Марик был типичным городским жителем – комаров и всяких там жуков опасался больше, чем глобального потепления и Третьей мировой войны, а дачная мебель в стиле ИКЕА угнетала его больше перспективы работать в офисе с восьми до шести и носить костюмы фабрики «Большевичка».

– Не очень! – развеселилась Алиса. – У меня тут скорее усадьба!

– Уговорила! – оживился он. – Давай адрес!

И только повесив трубку, Алиса догадалась, что он звонил ей на домашний. На усадебный домашний телефон. Странно. Она разве давала ему номер? Она и сама его не знала – номер был записан черт-те где, на какой-то бумажке...

На следующий день Алиса проснулась в нормальном настроении, что удивило и обрадовало ее – ни эйфории, ни усталости. Все как обычно.

Они с Марком прогулялись, но он испортил ботинки, вляпавшись в талую грязь, и пришлось быстро возвращаться домой, пока Марик не разразился обвинением в адрес загородных домов, загородных прогулок и людей, добровольно выбравших тоскливую загородную жизнь. Едва они вошли в гостиную, зазвонил мобильный, который Алиса оставила дома.

– Что ты там делаешь? – заорала Лиза.

– Позволь спросить, почему тебя это интересует? – осадила ее Алиса.

Пришлось подождать, пока Лиза это проглотит.

– Да потому, что я тебя жду! – тем же тоном ответила Лиза.

– Лиза... – вкрадчиво обратилась к ней Алиса. – А зачем ты меня ждешь? Ты ничего не путаешь?

Лиза задумалась.

– Ой, я дура... – простонала она наконец. – Алис, я что, все-таки тебе вчера не позвонила?

– Гм... – ответила Алиса.

– Слушай, в среду ведь тусовка у Тамары, так что нужно за платьями заехать. Ты когда сможешь быть в ГУМе?

– Лиза, не сходи с ума! В ГУМе я смогу быть послезавтра, платьев у меня целый шкаф, так что выкручусь.

– Не-не-не... – запричитала Лиза. – Так не пойдет! Это костюмированная вечеринка и платья нужны особенные.

– А где это ты в ГУМе видела особенные платья для костюмированной вечеринки? – усмехнулась Алиса.

– У мадам Нитуш, конечно! – удивилась Лиза. – А! Ты же не в курсе... Ладно, приезжай, я тебе все покажу. И никакого «послезавтра» – уже сегодня вечером ничего приличного не останется. И девкам своим позвони!

Алиса пожала плечами и, пообещав себе убить Лизу, если все это окажется какой-то глупостью, позвонила Фае и Марьяне.

К Первой линии они прибежали в половине седьмого.

Лиза уже ждала их.

Они поднялись на второй этаж и остановились перед магазином, витрины которого украшали манекены в стиле «Фоли Берже» – звездочки на сосках, перья на голове, высокие каблуки. Что там, за витриной, видно не было – зал скрывали черные бархатные портьеры с красной вышивкой «Мадам Нитуш».

Что-то раньше Алиса не замечала этого бутика – хотя перечислить все магазины в ГУМе могла, не приходя в сознание.

– И что? – послышался сзади голос Марьяны.

Алиса обернулась.

– Что «что»? – буркнула она.

– Куда идти-то? – уточнила Марьяна.

Алиса решила, что та не готова принять участие в настоящем маскараде, вот и куксится. Ясно же куда идти – в магазин Мадам Нитуш.

Но тут Лиза расхохоталась.

– Простите, девчонки! – она приложила руку к груди.

После чего подошла к Фая с Марьяной, провела у них перед глазами рукой, и тут Алиса впервые увидела то, что называют «глаза на лоб полезли». Фая и Марьяна таращились, тыкали пальцем в витрину и издавали странные звуки, вроде «ы-ы».

– Девочки... – прошипела Алиса. – Вы заболели?!

Лиза дернула ее за рукав, но Фая уже бросилась к ней и понесла околесицу.

– Я бы в жизни... Ремонт... Охренеть!

– У них, как и у всех людей, на глазах была пелена, – тихо пояснила Лиза. – Они видели обычные витрины с перетяжками «Идет оформление витрин. Скоро открытие». Нам не нужно, чтобы в наши магазины наведывались посторонние.

В конце концов девушки немного успокоились, и Лиза решила, что они готовы к посещению бутика Мадам Нитуш.

На двери был звонок. Лиза уверенно позвонила, некто оглядел их в глазок, и вскоре тяжелая дверь открылась. Их встретила тощая дамочка в черном платье ниже колен.

Лиза что-то втолковывала дамочке, а девушки с трудом сдерживали биение сердец – это был магазин мечты. Роскошный мраморный пол скрывали ковры ручной работы, повсюду были расставлены кресла, пуфики, столики, на которых гостей ожидали лимонад, конфеты, восточные сладости. Но главное – столько роскошных вечерних платьев они не видели ни разу в жизни! Ни разу. С огромными юбками, вышитыми бисером, и золотом корсетами, черные, отделанные стеклярусом, серебристые с перьями, блестящие с рукавами «летучая мышь»... И невозможно было определить, из какой они эпохи – такая роскошь не имеет возраста!

– Лиза! – воскликнула дама, появившаяся из боковой комнаты. – Моя лучшая покупательница!

– Уж куда мне! – сконфузилась Лиза. – Здравствуйте, Мария! Познакомьтесь, это Алиса, Фая и Марьяна. Нам всем нужна ваша помощь!

– Вечеринка у Тамары? – догадалась Мария Нитуш.

– Да, – важно кивнула Лиза.

То ли Алисе почудилось, то ли на лице хозяйки и правда промелькнула досада.

– У вас уже есть идеи? – поинтересовалась она через секунду с самой любезной улыбкой.

Лиза развела руками.

Часа через два они сидели, заваленные ворохом платьев, в состоянии, близком к умопомрачению. Органза, шифон, тафта, атлас, бархат, сатин... Блестки, стразы, стеклярус, бисер, вышивка...

К счастью, Мария вовремя взяла ситуацию под контроль и предложила Алисе на выбор два платья: черное, с перьями и светло-серое, с пышной нижней шелковой юбкой и тремя или пятью верхними – из шифона. У платья был шикарный лиф, расшитый серебром, и один короткий рукав.

Алиса выбрала его – ее окутал туман дымчатой материи, очаровала элегантная роскошь. Фая предпочла экстравагантный компромисс между японским кимоно и пышными кринолинами, а Марьяна вцепилась в нечто мерцающее, света утреннего неба.

Мадам Нитуш всем раздала бумажки, и, когда Алиса заглянула в свою, у нее перехватило дыхание. Этого не может быть! Половина ее скромного состояния! С таким образом жизни скоро ей придется торговать семейными драгоценностями...

Под шумок она оттащила Лизу в укромный уголок и прошептала:

– А нельзя взять его напрокат?

Лиза посмотрела так, словно Алиса предложила расплатиться своим телом.

– Определенно нет, – отрезала она.

Настроение испортилось. Еще один закрытый клуб миллионеров, в котором принято покупать платье за шесть тысяч долларов, чтобы надеть его один раз и похоронить в гардеробе. Ха-ха...

Воспользовавшись тем, что Фая отсчитывает деньги, Алиса решила посоветоваться с Марьяной.

– Слушай, а это не слишком дорого для одноразового платья?

Марьяна пожала плечами.

– Но оно ведь такое... – Марьяша закатила глаза. – Упоительное! Разве можно отказаться? Тем более у девушки должно быть хоть одно платье от-кутю, разве не так?

Алиса понурилась. Вот... Опять она неудачница. Она зарабатывала в месяц шесть тысяч долларов – совсем недавно ей казалось, что это очень много, а сейчас она отдаст свою зарплату на платье, и неизвестно еще, что ждет ее впереди.

– Эй! – Лиза хлопнула ее по плечу. – Тебе нужно просто купить его! Живем один раз!

Ей что, заказать теперь герб с этим девизом? И повесить над камином? Благо каминов хватает...

Алиса купила платье – деньги жгли ей пальцы, забрала коробку, перевязанную шикарным кружевным бантом, и поплелась за девицами, которые трещали без умолку, чем страшно ее раздражали.

– Завтра в девять у меня, – распоряжалась Лиза. – Я уже договорилась с визажистом и парикмахером.

И тут Алиса поймала себя на дивной мысли – больше всего на свете ей хотелось двинуть Лизу коробкой с платьем по голове (больно не будет, зато даст фору в несколько минут) и броситься прочь. Но она была на каблуках, кругом стояли лужи, переулки здесь, в отличие от остальной кривоколенной Москвы, были прямые и отлично просматривались.

Но она с таким отчаянием мечтала скрыться от всех, влезть в старые шерстяные носки, нацепить удобный и растянутый велюровый костюм, спрятаться за книжкой и лопать бутерброды с томатным соком!

Поэтому она молча доехала до Марьяны, пересела в свою машину и услышала изумленный окрик Фаи:

– А платье?!

Схватила коробку, кинула ее на переднее сиденье, что-то пробурчала на прощание и рванула за город.

Это ловушка. Или она – параноик. Наверное, ей надо сдать хорошему психиатру, который уложит ее в дурдом, где главной заботой будет не заснуть под душем.

Весь мир... Блестящие перспективы... Все так чудесно, а она несчастна! Наверное, она трусиха. Наверное, она на всю жизнь останется бедной девочкой Алисой Трейман, которая завидует одноклассникам и считает себя хуже всех. И хуже, и лучше. Наверное, такие, как она, становятся литературными критиками, отращивают толстую задницу, которую неумело скрывают под хипповыми лоскутными юбками до пола, купленными где-нибудь во «ФрикФраке», украшают себя червленим серебром и носят в кошельке портрет Достоевского.

Они живут в своем маленьком иллюзорном мире, до дрожи влюбляются в Евгения Онегина или Андрея Болконского, соперничают с Анной Карениной или Элен Курагиной, дружат с Сэлинджером и созваниваются с Фитцджеральдом.

Она бы справилась с такой жизнью.

А вот с вечеринками, ради которых нужно вырваться в платье за шесть тысяч долларов – вряд ли.

Потому что одно дело – мечтать, а другое дело – превратить свои мечты в реальную жизнь. Не все к этому готовы. И, возможно, она из этих самых – неготовых.

Дома она надела и носки, и самый старый костюмчик от «Джуси Кутюр», но удовольствия не поймала. Над головой нависла угроза завтрашнего праздника, и расслабиться никак не получалось.

Алиса поплелась в библиотеку, нашла аж целых три тома, посвященных унынию, и приготвила настойку на березовом соке и слюне тропической жабы для улучшения настроения. Конечно, это все временно. Но все-таки туман рассеялся – настроение ползло вверх, новая жизнь уже не казалась такой мрачной, а скорая вечеринка представлялась настолько заманчивой, что Алиса померила платье. И замерла.

Конечно, в примерочной она уже все это наблюдала, но это было где-то шестнадцатое платье из тех, что она мерила – глаз замылился, к тому же под боком вопили Фая с Марьяной. И она, видимо, не сразу поняла, как это красиво. А может, всему виной зелье.

Так, наверное, выглядят ангелы. Алиса открыла ларец с драгоценностями, надела кольцо из бриллиантов, розовых турмалинов и лунного камня в белом золоте, и поняла, что она – самая красивая женщина в мире.

Женщины должны ТАК выглядеть. Права была Марьяна – должно быть хотя бы одно такое платье, – чтобы не забывать: мы несем с собой красоту. Для женщин создают такие шедевры, женщин украшают бриллиантами, женщины предпочитают рыбу в медовом соусе сосискам с жареной картошкой!

Алисе захотелось блистать, покорять, удивлять и убивать красотой!

Она кружилась по комнате, пока не сбила развевающейся юбкой чашку с чаем, переполюшилась – зря, на платье не попало, но все-таки решила отложить триумф до завтрашнего дня. Платье вернулось в коробку, кольцо – в сундук, а Алиса влезла в носки и попыталась вообразить, какую прическу ей сделает завтра известный парикмахер.

Глава 7

Лиза заказала лимузин. Шикарный, просторный, с шампанским. И не зря – в таких-то платьях невозможно было бы тесниться в машине. И с такими прическами. Им бы позавидовали все модели на свете – ни на одном показе мод ни у кого не было таких шедевров. Алисе волосы уложили ровными блестящими волнами, скрепили на затылке в хитрую завитушку, которую удерживали серебряные шпильки, украшенные горным хрусталем и черными феонитами – Лиза одолжила – откуда они локонами спускались на плечи.

Фая любовалась укладкой в японском стиле – под стать платью, а Марьяна с недоверием разглядывала выпрямленные волосы – ее буйные кудри лежали ровными прядями!

Ехали довольно долго – на Рублевке, как всегда, были нечеловеческие заторы, а тащиться им надо было за Николину Гору. Казалось, что эта злосчастная гора находится где-то под Питером – они плелись со скоростью километров двадцать в час.

Но наконец водитель свернул налево, Алиса приоткрыла окно и увидела еловые лапы, потом еще два раза направо, гудок, последний рывок – и лимузин остановился. Водитель помог им выйти, и Алиса оглядела старинное поместье – отреставрированное и впечатляющее.

Парадный вход с колоннами, мезонин, два этажа, галерея, два просторных крыла. Ого-го! За Лизой они прошли к подъезду, и дверь немедленно открыла классическая горничная – только фартук на ней был не белый, а черный. Она проводила их в зал, и Алиса не удержалась – ахнула. Высотой в два этажа, просторная комната была затянута черным бархатом, шелком и шифоном! Все: потолок, стены и пол покрывал черный блестящий гранит. Встречался и мерцающий черный материал, усыпанный серебряными блестками, – он переливался между бархатными и шелковыми складками, создавая необыкновенный эффект. Скатерти, ниспадающие на пол, были из черного блестящего сатина, с черной же вышивкой – невообразимый шик, а все розы, украшавшие столы, оказались темно-бордовыми, почти черными. У столов стояли черные бархатные стулья в стиле рококо с черными лакированными спинками. Стекла в окнах заменяли зеркала, а зал освещали свечи в огромных канделябрах из черного мрамора.

– Ой-ей-ей... – прошептала за ее спиной Фая. – Вот это да...

Ледяное царство Лизы уступало этому торжеству черного – такой готический будуар высотой в восемь метров и площадью метров в двести невозможно было вообразить!

У Алисы из головы тут же вылетела и вчерашняя депрессия, и разнос, который ей устроила Елена, – Алиса так сосредоточилась на лимоннике и точном весе, что забыла добавить в зелье дружбы толченый тигровый зуб...

Ради таких вечеринок стоило жить!

На черном фоне дамы в вечерних платьях сверкали, как бриллианты – комната была лишь оправой женской красоты, мастерства лучших портных и драгоценностей. Дамы блистали, восхищались друг другом, обсуждали последние недели моды, церемонию Оскара – точнее, платья звезд, последние тенденции макияжа – словом, милые женские темы, о которых с неиссякающим вдохновением можно говорить бесконечно.

– Да-а... – выдохнула Алиса. – А я-то думала, зачем ей такой большой дом!

– Тебе тоже придется прикупить особнячок побольше, – заметила Лиза. – В твоём не развернешься.

Алиса с благодарностью посмотрела на подружку. Отличная мысль! Новый дом, новый интерьер – и все только самое лучшее! Здесь, в заткнутой бархатом зале, так легко было фантазировать о домах, вечерних платьях, новых друзьях и новых увлечениях!

Ура! Какое счастье, что она тут, с ними!

Едва они расселись, на сцене появилась Мери Джей Блиндж и Баста Раймз, которые спели несколько песен вместе и несколько по отдельности.

Когда подали десерты и дежестивы, внимание публики привлекла Дита Фон Тиз, исполнившая сольную танцевальную программу, а уже после этого на сцену явилась Кайли Миноуг со всем своим кордебалетом. Столы быстро убрали, а из смежного зала показалась толпа молодых людей в смокингах – они разобрали дам, и начались танцы.

Так весело Алисе не было ни разу! Она танцевала, пока не оттоптала все ноги, отпустила кавалера, рухнула на диван и чуть не раздавила даму в странненьком туалете из последней коллекции «Валентино».

Недалеко от них Фая извивалась в объятиях партнера – она явно чересчур увлеклась Дитой, зарядившей зал сексуальной энергией.

– Подумать только! И кто ее сюда пригласил? И не постеснялась ведь! – фыркнула дама.

Алиса с недоумением воззрилась на единственную здесь женщину с дурным настроением.

– А что? – спросила она.

– А то! – невежливо отрезала дамочка. – Она же не ведьма? И подружка тут у нее имеется... – блюстительница порядка прищурилась, выискивая в толпе Марьяну, но не нашла. – Тоже не ведьма!

– И что? – опять спросила Алиса.

– А то, что здесь не должно быть обычных людей! Это все-таки особенная вечеринка в канун Вальпургиевой ночи! Иногда мы, конечно, приглашаем людей, это необходимо, но исключения делают для важных персон, а не для всяких прощелыг, и уж тем более не на таких вечеринках! Чушь! Такого уже сто сорок шесть лет не бывало!

– Это мои подруги, – холодно произнесла Алиса.

– Так это ты притащила их сюда?! – с такой злостью прошипела соседка, что Алиса струсила и призналась:

– Вообще-то это Лиза нас всех пригласила, и мы ничего не знали о том, что... нельзя!

– Лиза?! – воскликнула дамочка. – Ха-ха-ха! Я бы на твоём месте серьезно задумалась...

Тут к даме вернулся кавалер, подал ей руку, и та неожиданно проворно вскочила.

– О чем?! – крикнула ей вслед Алиса, но та уже унеслась ближе к сцене.

* * *

Если не считать вылазки за едой – в сомнамбулическом состоянии, то проснулись они лишь через сутки. Утром легли, утром и проснулись. Правда, необычайно рано – в десять.

Первой встала Фая – она и вытолкала из кровати Марьяну с Алисой, видимо, взбесившись, что сама спала в комнате для гостей, да еще и окно открыла, а Марьяна отрубилась у Алисы в кровати, в теплой спальне с наглухо задернутыми шторами.

– Вот! – Фая швырнула на одеяло письмо.

Алиса открыла золотистый конверт и вынула оклеенное тканью приглашение на вечеринку в восточном стиле у некой Тани Ландау.

– Лиза звонила, говорила, мы тоже можем прийти, – сообщила Фая.

– Нет! – отрезала Алиса. – Никуда я не пойду! Я и так за два дня потратила почти десять тысяч баксов, так что я лучше передохну...

– Да ладно тебе! – возмутилась Марьяна. – Ведь было весело!

Они уговаривали ее и уговаривали, пока Алиса не вышла из себя и не закричала:

– Я никуда не поеду, ясно вам, отвалите от меня!!!

Она хлопнула дверью, оставив растерявшихся подруг в недоумении.

Алиса заперлась в ванной, включила воду – словно кто-то мог подслушать ее мысли, и не отвечала на стук в дверь, на нытье подруг и на их уговоры объяснить, что случилось.

Наконец, она вышла, спустилась вниз – девицы поплелись за ней – и высказала мнение в поддержку тезиса «лучшее – враг хорошего».

– Не думала, что ты такая зануда! – хмыкнула Фая.

Марьяна злобно зыркнула на нее.

– Алиса! Мне кажется, ты все-таки перегибаешь палку! Мы уже неделю тебе отчаянно завидуем, а ты недовольна! Все, что случилось с тобой, – прекрасно, ты нашла себя, ты на самом верху...

– А у меня голова кружится! – перебила ее Алиса. – Девочки! Я вас очень люблю, но мне, правда, надо побыть одной! Слишком много всего. И ни на какие торжества в восточном стиле я не пойду – у меня осталось пять с половиной тысяч, а мне еще жить на эти деньги.

– И что, по домам? – Фая переглянулась с Марьяной.

Та пожала плечами.

– Ладно, мы только сожрем твою икру, можно? – попросила Марьяша.

Алиса кивнула.

Они уехали, и она осталась одна. На целый месяц.

Если, конечно, не считать Марика, который то увозил ее в город – в свою уютную квартиру, то ночевал у нее – и еще жаловался, подлец, что в такой тишине невозможно спать – ощущение у него, видите ли, словно он в могиле.

Месяц Алиса не вылезала из спортивных костюмов. Месяц занималась на беговой дорожке, которую ей подарил Марк. Месяц они смотрели по вечерам комедии с Джимом Керри, трагедии с Робертом де Ниро и все ужастики подряд, кроме «Дома тысячи трупов», от которого Алису чуть не стошнило. А потом Марк не выдержал и вытащил ее в люди. На какую-то премию.

Алиса надела платье, которое ей для пятинадцатилетия «Глянца» шили в «Персонаже» по личному заказу – эдакая глэм-готика, поддела под него черные джинсы в облипку и нацепила любимые ботинки на высоком каблуке со шнуровкой. По глазам кое-как размазала дымчатые тени, мазнула блеском и решила, что одета скромно, но со вкусом.

Гуляли в казино. Дизайнеры хорошо поработали: завесили «русский красный» розовыми драпировками – премию вручали то ли за красоту, то ли за стиль, расставили везде белые цветы, а сцену украсили серебристым занавесом.

Алиса думала, что будет здесь самая незаметная, но ошиблась в квадрате: она выглядела очень нарядно, но ее никто не замечал. Причина выяснилась довольно быстро. К ней подошла знакомая и с нескрываемой радостью сообщила, что Алису уволили из «Глянца».

– Спасибо, я в курсе, – ответила та.

– Как ты? – с фальшивым сочувствием поинтересовалась знакомая, кажется, Надя.

– Прекрасно, – кивнула Алиса.

– Они ужасно с тобой обошлись! – гнула свою линию Надя.

– А что случилось? – Алиса сделала вид, что разволновалась.

Надя оскорбилась, но не подала виду. Конечно, она не ожидала, что Алиса будет рвать на себе волосы, а на запястьях у нее будут бинты, свидетельствующие о том, что с горя бывшая главная редактор порезала вены – и не один раз, но она, как гиена, жаждала учуять запах крови и никак не могла понять, отчего раненая добыча улыбается и выглядит так, словно не ее сегодня сожрут на ужин.

– Они не имели права тебя увольнять! – твердила она.

– Они и не увольняли, – Алиса пожала плечами. – Так что ты особо не расстраивайся.

– То есть... – Надя сделала большие глаза. – Ты еще там работаешь?

– Нет, просто я сама уволилась. Это не столь важно, но мне бы не хотелось, чтобы у тебя сложилось превратное мнение о моем бывшем начальстве.

Надя переваривала информацию. Возможно, ей говорили. А она не поверила. Потому что кто уволится с места главного редактора, едва приступив к обязанностям?

Действительно, кто?

– Неважно, – отмахнулась Алиса. – Ты-то как?

Надя некоторое время заливала, какая она успешная, как у нее все круто, пока не перескочила на любимую тему – «у меня воруют идеи».

Она набросилась на колумнистку некоей газеты, которая все больше отдавала желтизной – не без помощи обозначенной журналистки, с таким вдохновением описывавшей силиконовые бюсты звезд, будто сама их им вставляла. Из ее заметок сочилась желчь, каждая буква была так щедро пропитана завистью, что неискушенный читатель, возможно, представлял себе светское общество сборищем коварных инопланетных андроидов, которые прибыли на Землю с миссией уничтожить планету.

Алиса была с Надей совершенно согласна – автор этих вульгарных статей заслужила адовы муки, но у Нади, если честно, тоже рыльце в пушку – она, наоборот, неистово убеждала читателей, что стайка светских девушек, поблескивающих на тусовках бриллиантами, – прямо-таки основа нашей цивилизации, честь ее и оплот.

Надя распоряжалась светской хроникой в газете, проповедующей ценности буржуазии. Алиса все не могла понять – то ли эти девушки идут в светскую хронику ради того, чтобы заарканить миллионера, то ли уже в процессе им сносит башню. Наверное, не легко справиться, например, с такой информацией: когда подруга одного магната возжелала в подарок сумку «Биркин» – непременно розовую, из аллигатора, с фурнитурой из платины (четыре тысячи восемьдесят шесть тысяч рублей), но надо ждать четыре года, пока подойдет ее очередь. Ясное дело, девушка не желала ждать, и специально обученные люди искали сумку по всей Европе, пока не нашли женщину, которая согласилась продать свою – свежескупленную, с неслабой наценкой, но тут подруга магната передумала – увидела в ЦУМе такую же у какой-то дамочки, и возжелала оранжевую.

Удивительное рядом – все эти красотки в огромных брильянтах от «Графф» сказочной красоты, в платьях от «Прада» и джинсах от «Дискэйрд», на парковке в рядок – «Бентли», «БМВ Х5», «Ягуары», распоследние «Лендроверы» и «Мерседесы» от «АМГ» – как тут устоять? Вопрос «чем я хуже?» звучит все чаще, а с девицами, увешанными ювелиркой от «Графф», завязывается странная дружба, основанная на соперничестве и маниакальном желании стать, как они.

Девочки живут мифами о миллионерах, которые просто так – от чувств, без секса и отношений, дарят квартиры; о миллионерах, которые по странной прихоти платят бывшим любовницам алименты в десятки тысяч долларов; о девочках, которые в порядке отступных получают дома на Рублевке... Но никого не предупреждают (и никто не признается), что такая жизнь – не райские кущи. Это бизнес – и не менее тяжелый, чем если бы на все эти квартиры-бриллианты девушки зарабатывали сами.

Отчаянные поиски щедрого миллионера, который желательно не извращенец (или не очень извращенец), все эти теории «в бане по пьяни – не измена» (а если не в бане, а в Монако и с целым модельным агентством? Может женщина лет тридцати конкурировать с дюжиной восемнадцатилетних ног в метр высотой?), неудачные попытки смириться с тем, что по большому счету к тебе относятся, как к официантке – клиент всегда прав, и ты живешь в фальшивой, как отполированный в «Фотошопе» рекламный снимок, уверенности, что любовь – это когда твой бойфренд расплачивается в бутике «Прада»...

Уж Алиса-то не понаслышке знала, что собой представляют эти отношения, в которых все начинается с трезвого расчета и заканчивается проникновенными беседами с адвокатом. Покупки превращаются в секс, а секс – в нечто вроде готовки ужина: ты переживаешь некоторые приятные ощущения, но делаешь это не по вдохновению, а лишь потому, что обязана.

Ты радуешься, когда он задерживается на работе, потому что тебе лучше одной – или с подругами, или с мускулистым любовником (тренером, охранником, случайным тусовщиком). Ты серьезно задумываешься о том, как бы завести речь об отдельной спальне. Тебе нравится твой мужчина – он щедрый, хороший, внешне вполне ничего себе, но нет того, чего ты так боишься – страсти, безрассудства, эйфории, и без чего втайне злишься на весь мир – и особенно на своего мужчину.

Как назло, к ним присоединилась еще одна жадная до сенсаций хроникерша – Аня.

Презрительно оглядев конкурентку, Надя перевела разговор на недавние весенние каникулы в многострадальном Куршавеле. Алиса заскучала. Она не любила отдыхать в горах: лыжи ее не возбуждали, а тащиться ради разреженного воздуха, неделю спать, а еще неделю страдать похмельем было слишком тягостно, поэтому ранней весной она уезжала куда-нибудь на Гавайи, где было чудесно и, главное, тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.